

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 12/48

ДЕКАБРЬ 1937.

№ 12/48

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат — Опять о границах Кавказа.	В. Оленин — Кавказские силуэты.
В. Ахметели — Тройственный антикоммунистический блок.	В. Эмухвари — Денежная политика до-военной Германии.
З. Авалишвили — По поводу некоторых полемик.	Н. Н. — На меньшевицком митинге.
Азад бей — Еще о руссификации под флагом интернационализма.	Обзор Печати.
	*** — Сулейман Стальский.
	Хроника.

28 декабря 1937.

**ОПЯТЬ
О ГРАНИЦАХ
КАВКАЗА** Неохотно, весьма неохотно возвращаемся мы к этой неблагоприятной теме.

Вопрос о границах для каждой угнетенной страны, стремящейся к политической независимости, является одним из самых трудных и опасных вопросов.

Для нас, кавказцев, он осложняется еще тем, что речь идет не только о размежевании с оккупирующей нашу страну державой или с новообразованиями, которые возникнут по соседству с нами, после крушения советской власти, но и

о взаимоотношениях с нашими южными соседями — Турцией и Ираном.

Легче всего, конечно, было бы попросту обойти эту деликатную проблему, сославшись на ее неактуальность.

Так именно и поступали до сих пор все кавказские эмигрантские группировки.

Пока мы находились в политическом тупике, пока советская власть твердо стояла на страже своих завоеваний и не было реальных оснований рассчитывать на близкую возможность освобождения нашей родины, такая позиция не представляла больших неудобств.

Для проповеди наших общих идей

в Европе, для морального и политического обоснования права кавказских народов на независимость не требовалось уточнения территориальных притязаний.

Что же касается Ирана и Турции, естественно весьма заинтересованных в прочности и безопасности их кавказских границ, то в этих государствах ни о какой политической деятельности кавказской эмиграции не могло быть и речи. Не только никакая антисоветская активность, но и простая наша пропаганда была там совершенно невозможна.

И Турция и Иран своевременно урегулировали свои взаимоотношения с СССР. Для обеих стран фактическим хозяином Кавказа и субъектом кавказской политики была Москва. Компрометировать из за кавказцев своей, во многих отношениях весьма для них выгодной, дружбы с Советами ни Анкара ни Тегеран не желали...

Морализировать по этому поводу было бы бесполезной и неумной тратой времени... Надо полагать, что реально мыслящие кавказские политические деятели в аналогичных условиях действовали бы совершенно также.

Но мировая ситуация меняется. В связи с совершающейся на наших глазах перегруппировкой держав в Европе и грозными событиями на Дальнем Востоке вопрос отделения Кавказа от России из области платонических вожделений переходит в плоскость практических политических заданий...

Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, что очень скоро исторические судьбы народов Кавказа, как в 1918 г. опять окажутся в их собственных руках... и к этому нужно быть го-

товым.

Чудесный жребий выпал нашему поколению. Во второй раз Провидение делает его участником великой драмы, когда ставится на карту все будущее нашей страны.

Если это поколение желает выдержать политический экзамен, на котором оно так позорно провалилось 20 лет тому назад, настал момент когда оно должно учесть уроки прошлого и принять меры к недопущению повторения старых ошибок.

Конечно, события 1917—1920 годов застали народы Кавказа не готовыми к требованиям, которые им предъявила история — у политических деятелей, не сумевших оберечь хрупкие суда молодых кавказских республик от крушения есть смягчающие вину обстоятельства... Мы не имеем в виду заниматься здесь дешевыми обличениями.

На прошлое мы оглядываемся ровно постолько, поскольку это необходимо, чтобы не повторить былых прегрешений.

Кажется теперь уже нет необходимости доказывать, что одним из основных наших несчастий в 1918 г. было отсутствие у нас кавказской психологии и неумение разобраться в физической и этнографической карте Кавказа и сделать вытекающие отсюда для народов Кавказа политические выводы.

Идея гео-политического единства Кавказа за истекшие 20 лет более или менее проникла в сознание нашей политической эмиграции и о конфедерации, — правда всячески избегая подставить под эту отвлеченную формулу конкретное кавказское содержание, — говорят

даже бывшие принципиальные ее враги.

В искренности их к сожалению приходится усомниться, так как во внешней политике эта часть нашей эмиграции попрежнему отказывается сделать заключения вытекающие из самого факта бытия Кавказа, как независимого государства.

Много раз писалось, в частности и на этих страницах, что Кавказ имеет не только все объективные данные и юридические права, но и конкретные шансы сделаться независимым государством.

Права и данные вытекают из географии и экономики, из этнографии и истории.

Шансы — из международной политической обстановки, в которой первенствующую роль играет заинтересованность наших южных соседей — Турции и Ирана, — видеть народы Кавказа объединенными в прочное, жизнеспособное государство, могущее служить буфером, или тред-унионом, между ними и Россией.

Эта концепция политического будущего Кавказского перешейка, в которой кроме наших непосредственных соседей на Юге, могут быть заинтересованы и некоторые великие державы, конечно, предполагает, если не формальный союз Кавказа с Турцией, то во всяком случае, такие взаимоотношения дружбы и доверия между этими странами, когда о территориальных спорах между ними, во всяком случае, никакой речи быть не может.

Наша задача заключается в том, чтобы создать эти условия будущей дружбы и сотрудничества.

Отсюда наше желание теперь же и самым радикальным образом устранить

все поводы возможных трений и недопониманий.

Отсюда и наше стремление внести необходимую ясность в вопрос о будущих национальных границах Кавказа — и подготовить безболезненное и отвечающее высшим интересам наших народов его решение.

Ни для кого не секрет, что с вопросом о границах Грузии, Азербайджана и Армении с Турцией и Ираном в нашей эмиграции не все обстоит благополучно.

Замалчивать этот вопрос, как это делала наша эмиграция до сих пор, становится делом опасным.

Вопрос о территориальных границах Кавказа, Турции и Ирана выходит далеко за пределы обычных пограничных споров между двумя государствами.

В специфических условиях кавказской политической действительности то или иное отношение к разрешению этого вопроса, подобно лакмусовой бумажке, вскрывает подлинные умышленности и сокровенные политические устремления кавказских политических деятелей...

Кавказские народы не имеют практической возможности поддержать свои требования обращенные к Турции или Ирану собственными силами.

Расчет на внешние европейские силы, при нахождении ключей от Дарданел у Турции, больше чем проблематичен.

Единственный "союзник", к которому, следуя историческим прецедентам, "волэнс-нолэнс", Кавказ был бы вынужден апеллировать, находится на Севере.

Говоря Кавказ, мы конечно, позволяем себе большую неточность, ибо, совер-

шенно очевидно, что ни Азербайджан, ни Северный Кавказ в таком обращении участия не примут...

**

Наше течение формулировало свое отношение к трактуемой проблеме с исчерпывающей ясностью. В нашей постановке вопроса нет места для экивоков. Мы исходим из существующих сегодня границ. (Любителям инсинуаций попутно напоминаем, что Батум находится в пределах границ Кавказа).

Вынуждают нас к этому исключительно практические соображения. В таком подходе мы видим гарантию успеха нашего дела.

Нам думается, что при разрешении территориальных вопросов чрезмерное увлечение историческими воспоминаниями может быть иногда губительным. Это к тому же всегда палка о двух концах. У контрагента, как остроумно замечает Э. Авалишвили, могут оказаться свои воспоминания. Опыт к тому же учит, что исторические аргументы в разрешении международных споров имеют весьма относительную ценность. Архивные изыскания, конечно, представляют порою большой интерес, но слабая их сторона заключается в том, что лишённые воображения государственные деятели могут, не очень почтительно, напомнить, что археологическим находкам место под стеклом музеев, а не в дипломатическом арсенале реальных политиков...

Мы вполне понимаем, что всякий отказ от частей бывшей национальной территории сопряжен с естественным чувством национальной боли, но нет в истории народа, который на историческом своем пути не прошел бы через подобные испытания.

Наш призыв к самоограничению и жертвам во имя высших интересов нации и торжества основной нашей цели, — освобождения Кавказа от русской оккупации и создания независимого Кавказского государства, — не обращен к какой либо одной кавказской народности. Этот призыв мы обращаем ко всем.

Пишущему эти строки в частности приходится нередко выслушивать весьма горькие упреки от своих сопатриотов, потомков эмигрантов 1864, 1877 и последующих годов. Они всегда с горечью, иногда с худо замаскированным гневом, обвиняют его в отказе "от священной земли, на которой покоится прах их родителей"...

Эта жестокая история не теряется в глубине времен. Некоторые свидетели ее еще живы...

Границы рассеяния черкесов, как известно, доходили до линии Маныча и Кумы. Еще в пятидесятых годах прошлого столетия — все черноморское побережье Сев. Кавказа, Кубанская область и значительная часть Ставропольской губернии были густо заселены нашими соотечественниками... Нам было бы очень приятно их вернуть... Но наши претензии на эти земли, где осталась, увы, лишь незначительная часть нашего населения, сведены сегодня к минимуму.

И мы не видим иного способа размежевания с нашими соседями, кубанскими казаками, как полюбовное соглашение. Опыт такого соглашения, в свое время (в 1919 г.), был благополучно проделан Делегацией Республики Сев. Кавказа и Кубанской Делегацией в Париже. Вмешательство Деникинской армии помешало практической реализации соглашения, но договор, освящен-

ный мученической смертью доблестного кубанского патриота Кулабухова, живет в наших сердцах. Мы не сомневаемся, что в новых условиях наши народы к этому договору вернуться.

Не менее тяжелых жертв, чем у горцев Кавказа мы просим и у армян. Мы много и подробно писали об армяно-турецких отношениях и о месте армян в Кавказской конфедерации. Не станем на этот раз останавливаться на этой теме.

Отметим только что грузинские меньшевики и инспирируемая ими часть грузинской националистической печати, ныне поднявшая травлю против нас и обвиняющая в "измене" наших товарищей грузин за то, что они не поддерживают их требований "границ 1914 г.", не находили никаких возражений против нашей постановки вопроса, когда речь шла об армянах... Сыр бор загорелся из за Артвина и Ардагана...

Удивительно, между прочим, это требование границ 1914 года. Ведь Карс, Ардаган и Батум, отвоеванные некогда у Турции русской армией были границами Российской Империи. Ни национальная Грузия, ни Армения никогда такого начертания границ не знали... Отчего меньшевицкий патриотизм возлюбил именно эту линию, довольно трудно понять...

Наконец обращаемся мы также и к азербайджанской политической мысли и требуем от нея решительно отмежеваться от тех мегаломанов, с необузданной фантазией, которые в фантастических своих вождениях, так легкомысленно перепрыгивали через Аракс и просгирали свои алчные аппетиты до Тавриза и далее...

Вот случай, когда от исторических воспоминаний, если бы ими когданибудь вздумал заняться Иран, ни Азербайджану, ни всему Кавказу не поздоровилось бы...

Освобожденные от красного ига народы Кавказа на заре своей независимой политической жизни, должны дать дружественной и родственной иранской нации все мыслимые гарантии своей лойяльности.

Только очертив таким образом свои границы и ограничив свои притязания, мы по совести можем претендовать на лойяльное отношение к себе и со стороны наших южных соседей и требовать от них уважения наших собственных рубежей...

**

При некоторой политической объективности ничего экстраординарного в этих требованиях, которые, во имя высшего блага — освобождения своей страны — должны предъявить к себе народы Кавказа, увидеть нельзя.

Перед нами имеется разительный пример, которому нужно просто следовать.

Разве Турция Ататурка не дает нам картины исключительного самоограничения, каждый день действительно подтверждающая свой решительный и окончательный отказ от обширнейших и богатейших территорий, еще вчера входивших в состав Оттоманской Империи?

Разве не эта мудрая политика гениального творца современной Турции лежит в основе сказочного возрождения и небывалой еще за последние 200 лет политической мощи этой страны?

Не благодаря ли ей была ликвидирована историческая вражда Ирана и Турана и под Саадабадским пактом ста-

ли возможны подписи Турции, Ирана, Ирака и Афганистана?..

**

Народы Кавказа должны дать себе отчет в происходящих на нашей планете сдвигах.

Человечество вступает в новую эру. Ось мировой истории направляется из Средиземного моря в бассейн Тихого океана. Лежащие на этой оси народы Ближнего Востока и Азии вступают в политический хоровод. Их мощь с каждым днем будет расти.

Хотим мы того или нет, Кавказу придется сыграть свою роль в намечающейся перестройке карты Восточной Европы...

Наше дело найти свое место среди

возрождающихся к активной политической жизни обновленных народов Передней Азии, с которыми нас связывает вековая историческая традиция..

Вопрос поставлен ребром: либо Кавказ найдет общий язык со своими южными соседями и при помощи дружественных великих держав сумеет обеспечить достойное своего славного прошлого место под солнцем — либо рано или поздно он будет поглощен славянской стихией. Те, которые толкают народы Кавказа на конфликт с Турцией и Ираном — одни сознательно, другие бессознательно готовят возврат кавказских народов в Россию — *tertium non datur*.

Гайдар Баммат.

В. АХМЕТЕЛИ.

Тройственный антикоммунистический блок

В настоящее время можно сказать, что три великие державы уже составили прочный союз против коминтерна или, лучше сказать, против коммунизма, и советская Россия пребывает в осаде, начиная от Центральной Европы, вплоть до Дальнего Востока. Германия, Япония и Италия решили выкорчевать русский большевизм с корнями, разгромить осиное гнездо мировой опасности. Это обстоятельство, как и следовало ожидать, вызвало большую тревогу среди правящих кругов некоторых держав.

Дружественно настроенные к советской России круги готовы об'явить пакт трех военным союзом, преследующим

сокровенную мысль расчленения бывшей России, и такую возможность они готовы выдать за большую опасность для их собственных народов и государств.

Но сейчас, кажется, уже для всех очевидно, что советская Россия для каждого культурно-правового государства, как для врагов, так и для друзей, представляет величайшую опасность. Тем не менее политику, направленную против России, многие готовы рассматривать как политику направленную против них, а врагов России — как собственных. Выходит так, что их естественного союзника кто то обижает.

Даже Великобритания — этот ве-

усыпный исторический враг России вот уже на протяжении двух веков как будто клянется России в дружбе, так как этого якобы требуют интересы международного мира. По нашему мнению, эта внешняя оболочка англо-русской дружбы обманчива и вряд ли в точности выражает сущность английских вождедений. Один из видных политических деятелей девятнадцатого века говорил, что всеми своими неудачами во внешней политике Россия всегда была обязана удачной подстрекательной политике Англии. История давнего или недавнего прошлого дает тому много доказательств. Всякое вооруженное вмешательство России неизменно кончалось ее поражением. Все это происходило по подстрекательствам Англии. Внешняя политика могущественной Англии и ее внешние цели осуществлялись всегда с такой дальнорочностью перспективы, что разобраться в лабиринте английских вождедений часто бывает трудно. В неразберихе слов о дружбе можно проглядеть, где скрыта подлинная ловушка. Это покажет будущее, а пока нам, кавказцам, подобно древним финикийцам, остается поджидать подходящей погоды.

Не ясно также отношение к России и Соединенных Штатов С. Америки. Нити дружбы или нити неприязни Америки к России так сплелись между собою, что тянуть из этого политического узла определенную нить — дело не всегда легкое.

За то весьма ясна сущность русской внешней политики в отношении всего мира, советское правительство и его главный орган — Третий Интернационал, бок о бок и рука в руку, с полной

согласованностью работают на разрушение культурной жизни человечества. Но государства, где социалисты старого типа играют роль в правительстве, готовы скрывать вредительство, практикуемое внешней и внутренней политикой России. Мудрое народное изречение говорит: человек может скрывать болезнь, но болезнь не может скрывать себя! Эта поговорка очень подходит для стран, где руководят руссофильствующие политики. Советская Россия ведет свою разлагающую работу именно в этих дружеских странах. При содействии братских коммунистических партий она раз'едает их национальный и государственный организм. Эта подрывная работа, то скрытная, а то и явная, ведется именно в дружеских странах. Так она работает в Европе, так она работает на Дальнем Востоке, и такую работу хочет наладить повсюду в мире,

Прошло двадцать лет, как большевики завладели одной шестой частью земли. Огнем и мечом они стараются превратить в действительность выработанную раз навсегда отвлеченную теорию, и чего же они достигли? Вместо желанного рая — ангел смерти и вражды косит человечество. Надежды европейских лже-социалистов не оправдались; у салонных большевизанов спутались все расчеты — в итоге только хаос. Сто шестьдесят миллионов народа превращено в стадо и табун, пропала духовная индивидуальная жизнь, пропало — я, сладость собственного очага и личной жизни, и бесчисленное множество людей подпало под разгул дикого своеволия. Фараоны оставили несокрушимые в веках пирамиды... Повелители же России, на устрашение мира.

одну шестую часть света усеяли костями людей, воспоминание о чем будет приводить в трепет и будущее человечество...

"Военная мощь", которая мерещится поклонникам России, — фантазия лишь празднично-мечтающих политических деятелей; пока что эта "мощь" России сказалась на судьбе ее собственных жителей и малых народов. Но против больших государств, от которых Россия отгородилась непроницаемой стеной, она бессильна и трепещет от страха, она забралась в свою скорлупу, и нет надежды, чтобы она могла устоять перед ними. Большие надежды, возлагавшиеся друзьями на Россию, однако, не мешают государствам - противникам иметь точное представление об этой ее "мощи".

Кто бы ни мечтал о прелестях русской жизни, о "военной мощи" советской России, об ее верности пактам, — мы, кавказские народы, давно уже искушены и знаем настоящую цену российской действительности. Естественно поэтому, что нам приходится связывать свои надежды с выступлением врагов советской России, с победой над ней антикоммунистического блока.

Гражданская и классовая война, восстание брата на брата должны исчезнуть на Кавказе навсегда. Взамен должно быть водружено знамя "одного за всех и всех за одного" — на укрепление наших народов. Вот, что должно лечь в основу нашей общественной жизни. Таковы наши лучшие заветы. Так говорил и мудрый Илья Чавчавадзе: горе нам, если наше "я" будет забегать вперед, а "мы" пятиться назад!

Русские большевики все свое "строительство" основали на социал - полити-

ческой теории Маркса. Это движение создалось почти сто лет тому назад и между практической программой Маркса и современной действительностью уже легла огромнейшая пропасть. Двадцать лет, как русские коммунисты, подобно правоверным талмудистам, разложив пред собою программу Маркса и закрыв глаза, мечтают об ее претворении в жизнь. Но их немощные потуги, казалось бы, должны быть ясны всем. Тем не менее есть еще у нас люди с рудиментально устроенными черепами, глубоко убежденные и по сей день, что марксизм, с его социально - политической программой, поистине может дать счастливый результат, поистине может претвориться в жизнь. Эти люди полагают, что ключ от этого марксизма находится у них, и нужно только, чтобы настало подходящее время, и они откроют нашим народам двери рая.

Все эти господа напоминают немецкого слесаря с дитриховским ключом, которым можно открыть любой замок. Обладателями вот этого дитриховского ключа, видимо, и считают себя наши марксисты, которые надеются, что если счастье вновь улыбнется им, снова заберут они в свои руки власть, и откроют заповедные двери. Пусть господа эти мечтают, если хотят, упражняя свой ум на страницах своих газет и ублажая какую то ничтожную часть эмиграции.

Кавказцы давно убедились в чудовищных подвигах коммунистов и никогда больше не позволят никому морочить себя и над собой потешаться.

Новые течения противостоят теперь русскому большевизму. Борьба неминуема: должно одолеть или одно, или дру-

гое. Считаться с охрипшими голосами наших обанкротившихся марксистов кавказцы более не могут. Гнет русского коммунизма нам невыносим, и мы ис-

кренно желаем, чтобы все другие государства скорей примкнули к союзу непримиримых врагов Москвы.

Вл. Ахметели.

3. АВАЛИШВИЛИ.

По поводу некоторых полемик

НА СТРАНИЦАХЪ “Кавказа” неоднократно отмечалось, что в политической обстановке наших дней, т. е. теперь, в 1937 году, вопрос о пересмотре южной Кавказской границы — границы, отделяющей, начиная с 1921 г., Грузию, Армению и Азербейджан от Турции и от Ирана — не является вопросом злободневным и не относится к области практической политики. Более специально имелся в виду турецкий участок этого рубежа.

Разумеется, в основе такого понимания лежит определенная оценка всего международного положения на Ближнем Востоке. Вытекает оно, т. е. это понимание также и из междунациональных взаимоотношений на самом Кавказе. Коротко говоря: в 1914—1920 гг. раздел владений Оттоманской Империи намечался целым рядом держав. С этими планами могли связываться надежды и отдельных кавказских народов. В настоящее же время никто, кажется, не собирается делить территорий новой Турции, ничто ей серьезно не угрожает. По этому и возлагать надежды на новый раздел было бы опрометчиво и никто,

повидимому, таких надежд не питает. С другой стороны, сравнительно с 1914 г. усилилось вообще на Кавказе значение местных национальных факторов; усилилось, притом, можно сказать, в направлении благоприятном идее доброго соседства с Турцией. Вне последнего немыслим, например, никакой план общекавказского политического единения.

Все подобные заключения допускают, конечно, критику. Этого права здесь слава Богу, никто среди нас не лишен. Положение вещей на Ближнем Востоке можно освещать, при желании и если имеются на то данные, и по иному. Другое толкование могут получать и национальные взаимоотношения на Кавказе. При разногласиях открывается возможность дебатирования в печати важных политических вопросов, во всяком случае, их дальнейшего уяснения, освещения с разных сторон. В данном же случае получилось иное. Различные органы грузинской эмигрантской печати с единомышленом, вообще говоря, похвальным, но и редким, и с запальчивостью, если угодно, симпатичной, хоть и вызывающей недоумение, набросились на “Кав-

каз", особенно же на сотрудников - грузин, отрехнувшихся будто бы с признанием устойчивости нынешней турецко-кавказской границы от священных прав Грузии на провинции, уступленные большевиками Турции в 1921 году по Карсскому договору. Они (критики) его не признают. Они стоят на страже; они протестуют, они покажут и т. д. Лжепатриотическая декламация в перемешку с клеветническими намеками наполняет ряд статей, очевидно, отвечающих какому то спросу — спросу на скандал, на клевету, на ругань. Раз зашла о том речь, остановимся еще на вопросе: кто же и когда отдавал туркам территорию Грузии и вообще Кавказа.

Первым хронологически международным актом, внесшим коренное изменение в южно-кавказскую границу, после того как началась в 1914 г. война, был Брест-Литовский договор 3 марта 1918 г. Тогда были отторгнуты от кавказской территории три бывших санджака: Ардаган, Карс и Батум, уступленные Турцией России по Берлинскому трактату 1878 г., после войны 1877-1878 г. г. Они образовали две области: Батумскую, в которую вошли округа Батумский и Артвинский, и Карсскую, в составе округов Карсского, Ардаганского, Ольтинского и Кагызманского.

Как известно, вызванная Брест-Литовскою капитуляцией, а также разгромом всероссийского Учредительного Собрания реакция много способствовала переходу кавказских народов на путь государственной независимости и отделения от Российской Империи.

Возникла недолговечная Закавказская Республика. Ее ждали неудачи и на ди-

пломатическом, и на военном поприщах. (Трапезундская конференция; занятие турками Батума и Карса — все весной 1918 г.).

Попытки кавказских народов ускользнуть из тисков Брест-Литовского договора к великому сожалению, не удалось. Отторжение областей Батумской и Карсской, с Ардаганом, вынуждены были признать — еще в Трапезунде, в марте 1918 года, — делегаты Закавказья во главе с А. Чхенкели. На новой же конференции, собравшейся в Батуме в мае 1918 года, (после неудачной попытки Закавказья возобновить военные действия), турки пред'явили, в виде ультиматума, куда более суровые территориальные требования. Предложенный ими **договор мира и дружбы** включал присоединение к Турции, сверх уступленных уже по Брест-Литовскому договору областей Батумской и Карсской, еще и уездов Ахалицхского и Ахалкалакского, Тифлисской губернии. Иными словами, Грузия теряла по этому договору все, что к ней было присоединено в XIX веке (благодаря победам России) по мирам Адрианопольскому и Берлинскому, из ея древних владений — от Боржомского ущелья до Батума. Одновременно, Армения лишилась Александрополя и большей части уездов Александропольского и Эчмиадзинского. Лишалась она и железной дороги: Александрополь-Карс. Все это было, как мы уже сказали, куда суровее потерь по Брест-Литовскому договору!

Читатели, конечно, и сами помнят, что так наз. Закавказская Республика рухнула именно под тяжестью этих требований. Она распалась на свои составные части. Провозглашена была в кон-

це мая 1918 г. независимость Грузии, Азербейджана, Армении.

Ультиматум, пред'явленный им всем вместе, и ими совместно в Батуме не принятый, был принят теперь каждой из этих республик в отдельности — все в том же Батуме. Так как в настоящий момент речь идет о том кто и когда отрекался от частей национальной территории, то мы и ограничимся напоминанием, что 4-го июня 1918 г., т. е. спустя всего неделю после провозглашения независимости Грузии, делегаты ее подписали договор мира и дружбы с Турцией, по которому Грузия уступала Турции санджаки Батум, Ардаган, Карс, Ахалцих и Ахалкалаки.

Кто же подписал этот акт полного отказа Грузии от всех ее мусульманских провинций? Первый председатель грузинского правительства Н. Рамишвили; Г. Гвазава; Г. Рцхиладзе; ген. И. Одишелидзе. Подборъ делегатов не лишенный значения: рядом с виднейшим представителем правящей партии социал-демократов, политические деятели, по партийной принадлежности Гвазава — национал-демократ, Рцхиладзе — социалист-федералист. Вместе с ним авторитетный генерал*.

Разумеется, никому не придет в голову упрекать в чемнибудь ныне еще здравствующего Г. Гвазава и его уже исчезнувших товарищей по дипломатическому несчастью 4 июня 1918 г. И уж никак нельзя сказать, что уступая эти территории, они действовали без всяко-

го на то полномочия: напротив, их послало грузинское правительство. Они не были ни самозванцами, ни узурпаторами, как большевики в 1918 г. (Брест-Литовск) или в 1921 г. (Карс), чьей подписи на этом именно основании не признают наши гг. критики.

Тщетно было бы ссылаться и на неизбежность подписи, поставленной грузинскими делегатами в Батуме 4-го июня 1918 г., т. е. на вынужденность ее, или на заведомо неокончательный характер сделанных тогда ими территориальных уступок. Как раз наоборот: подписывая договор уполномоченные и пославшее их республиканское правительство независимой Грузии не могли иметь и не имели в виду предстоявшего поражения Германии и вместе с нею, Турции в мировой войне. Если и не непременно, то во всяком случае возможной рисовалась именно их победа; а в этом случае нельзя было рассчитывать на серьезное исправление границы, обусловленной по Батумскому договору 4-го июня 1918 г. Возможны были лишь некоторые смягчения, в роде оставления, напр., за Грузией Абастумана и Ацкура, на что турки пошли уже в Батуме.

Договор этот не получил ратификации по причинам международного значения. Победа скоро начала склоняться в пользу противников Германии, и следующий международный акт, касающийся южных границ Грузии возник в политической обстановке, весьма отличной от той, благодаря которой Турция предвкушала окончательное завладение Ахалцихом, Ахалкалаки и Александрополем. По Севрскому договору 10 авг. 1920 г. не оставалось в сущности и места для грузино-турецкой границы.

*) Об этом и вообще на темы настоящей статьи много подробностей можно найти в моей книге «Независимость Грузии в международной политике», Париж. 1924.

Независимая Армения должна была служить средостением между Грузией и Турцией. Взаимное же размежевание Грузии и Армении предоставлялось свободному соглашению самих этих республик. Если бы такое соглашение не состоялось, границы были бы установлены великими державами, победившими в войне и т. д.

Осуществись программа Севрского договора. Грузия по всей вероятности была бы в состоянии вернуть себе все вообще земли, когда либо ей прочно принадлежавшие (кроме тех, конечно, которые по справедливости, отошли бы теперь к Армении). Однако такое благоприятное — оно было бы и безпримерным по легкости! — разрешение территориальных вопросов всецело зависело от целого ряда политических предпосылок местных и общих; от действительности военно-политического контроля великих держав в Малой Азии и на Кавказе, но прежде всего и главным образом, от успешности организации самих Кавказских республик; особенно же Грузии и Армении; от их размежевания, солидарности и т. д. Ни одно из этих условий, ни одна из этих предпосылок, как всем известно, не осуществилась. Кавказские республики, не уничтожая, а умножая причины своей слабости, пали под давлением одновременно Советской России и Турции. Через каких-нибудь 7 месяцев по подписании Севрского трактата, большевики и турки пришли к соглашению относительно грузино-турецкой границы. В соглашении этом нашло тогда свое выражение новое политическое равновесие в тех краях; равновесие, как видно, более устойчивое и длительное, чем то, из которо-

го родился Севрский договор. Оно и теперь еще в силе.

Справедливость требует прибавить, что граница с Турцией обезпеченная Кавказским республикам по Карсскому договору 1921 года, несравненно благоприятнее, чем та, которую подписали в 1918 г., за Грузию, Рамишвили, Гвазава, Рцхиладзе и Одишелидзе, а за Армению — Хатисян, Качазнуни и Пападжанов. Грузия при большевиках сохранила Батум, не говоря об Ахалцихе и Ахалкалаки, Армения — Александрополь. Было бы однако неразумно на этом основании поносить одних, или хвалить других. В действительности, во время кризиса, вызванного войнами и революциями 1914-1921 г. г. грузино-турецкая граница, если взять ее в качестве примера, видоизменялась в зависимости от факторов, среди которых сама Грузия не была решающим.

Почему это было так? Удовольствуемся формальным и явно недостаточным объяснением: вообще стране неорганизованной или же, прибавимъ, почему либо (напр., по соображениям внутренней политики) не желающей организоваться, как следует в военном отношении, словом недостаточно организованной трудно бороться с успехом за свои границы против лучше организованного противника. В других условиях, и картина получалась иная. Бывало так, что величайшая военная держава эпохи лишь с трудом и ценою большого кровопролития преодолевала сопротивление Грузии в борьбе как раз за те земли, которые в новейшее время стали обозначать как "мусульманскую Грузию". В этом отношении замечательна, например, война Георгия I (1014-27) с

Византийской Империей из за наследства знаменитого в истории Грузии, Армении и Византии курмалата Давида. Кого интересует военное и политическое прошлое Кавказских стран или история юго-западной границы Грузии (последних, говорят, теперь очень много), тот может познакомиться с этою важною страницую их истории хотя бы из очерка, напечатанного автором настоящей статьи в 1933 г. в брюссельском издании "Бизансион", к сожалению мало доступном. С другой стороны Эрнст Хонигманн, автор вышедшей в 1935 г. обстоятельной работы о "Восточной границе Византийской Империи от 363 до 1071 г.", сделал попытку обозначить на особой карте в частности и грузино-византийскую границу к середине XI столетия. Граница шла тогда по Чороху. Ардануч, Ардаган, сохранялись за Грузией. Главным приобретением Империи являлся Тао или прежний армянский Тал, с Ольти, основное владение куропалата Давида — из за него то и велась эта война — война большого стиля и огромного напряжения. А это всего лишь эпизод из истории юго-западной границы Грузии, притом до турецких времен.

Скажут: уместно ли вспоминать такую старину — XI-ое столетие! — по поводу политических тревожений, споров и революций второй четверти 20-го века? Оказывается, да, очень уместно — потому что, вспоминая с чрезмерной легкостью о древних правах, часто забывают, в каких условиях и ценою каких усилий они в свое время приобретались и отстаивались. Об этом иногда не вредно напоминать. А также о том, что условия, в которых эти исторические права возникли, успели с тех пор

измениться коренным образом, притом не раз; и еще о том, что ставя себе политические цели, необходимо соображать их со средствами, которыми теперь располагаешь, а не с воспоминанием о средствах, которые когда то у тебя были. И тем более необходимо на все это указывать, что смутные воспоминания о временах весьма отдаленных примешиваются часто к современным политическим переживаниям, не подвергаясь достаточной критике с точки зрения подлинной истории, как она сложилась в течение ряда веков уже после эпох, давших жизнь известным идеям и построениям.

Каково бы ни было значение провинций так называемой мусульманской Грузии в истории грузинской культуры и грузинской политики — всякий знает или должен знать, что значение это было весьма велико — провинции эти претерпели в существе своем, с давних уже времен, глубокие перемены. Памятники культуры превратились в развалины, жизнь по многим причинам отлетела от мест, где она была ключем. Изменились тамошние люди, их верования, направление их мысли. Разумеется, сохранилась — и должна сохраняться, да и охраняться — память о взаимной принадлежности этих стран и Грузии. Однако, не следует забывать, что и связь их с Турцией утвердилась в сложном и тоже "историческом" процессе, в свою очередь породившем традиции, чувства, политические и культурные привязанности. Отсюда целый ряд противоречий и трудностей, не разрешаемых ссылкой на историю.

В ХУШ столетии последние грузинские цари, нисколько не отказываясь от

притязаний на подвластные Оттоманской Империи земли некогда единой грузинской короны, надеялись вернуть их с помощью России. Значительная часть этих земель, от Ахалциха до Батума, от Поты до Ольты, и была в действительности отвоевана и, если угодно, "присоединена к Грузии", во всяком случае воссоединена после упразднения грузинских царств, в течение XIX века. Грузины - христиане были участниками, не больше, этого дела. Грузины же мусульмане не были от него в восторге.

Вопрос о мусульманской Грузии получил большое политическое значение с начала же войны 1914 и сл. годов. Однако, ход ее был таков, и таково было разлагающее влияние революции 1917 и сл. годов, что в известных постановлениях Брест-Литовского договора 1918 года турки получили возможность в трех санджаках — Батум, Карс, Ардаган — применить в свою пользу идею национального самоопределения (ст. 4)*).

На Кавказе, как мы видели, с ужасом отшатнулись от условий Брест-Литовского договора. Очень скоро обстоятельства заставили цепляться за них, как за спасательный канат: так поступило Закавказье на Трапезундской конференции, а Грузия — на Батумской.

С поражением турок в великой войне грузинскому правительству удалось укрепить свои позиции в провинциях мусульманской Грузии. Однако, разного рода политические "интриги", т. е. борьба течений и влияний там не прекращалась. Скоро обнаружилось, что на Кавказе Брест-Литовский договор живуче Версальского, Севрского и других.

*) Об этом я подробно писал в специальной работе «Батум и Карс», напечатанной в 1918 г.

Граница 1921 г. оказалась проведенной в духе "брестских" идей, правда, с существенным улучшением в пользу Грузии, сохранившей Батум. Как и почему это произошло, хорошо известно (энергичная защита Батума в последнюю минуту). Не достаточно выяснено, с другой стороны, содержание переговоров, быв. правительства Грузии с Ангорой и эпоху вторжения советских войск в Грузию. Важные свидетельства и сообщения содержатся по этому предмету в разных статьях, напечатанных здесь в Париже; но не хватает документальных данных о размерах намеченных тогда территориальных уступок в пользу Турции. Молодые люди из разных "группировок", собирающиеся восстанавливать Грузию в границах царства Тамары, и имеющие досуг и средства созывать "совещания о грузинской территории" с "бесплатным входом" для всех желающих, поступили бы лучше, если бы общими усилиями и трудами составили и издали труд, скажем, на тему: **Мусульманская Грузия во время и после войны 1914 и сл. годов. Обзор политический, военный, социальный и дипломатический.** Такая работа была бы для всех полезной и помогла бы им самим разобраться в том, что требуется для проведения выгодных границ.

Еще несколько слов по поводу торговой связи областей Карса, Ардагана и др. с Батумом, о которой как то упоминалось в "Кавказе", как об одной из возможностей будущего доброго соседства независимого Кавказа и Турции. Это предположение одних, кажется, попросту напугало, других возмутило, несмотря на явный его гипотетический ха-

раκτηр и принадлежность к "музыке будушего".

Если южной границе Грузии, установленной в 1921 г., суждено долго оставаться в силе, то что, собственно, можно возражать против установления правильной связи между мусульманской Грузией к югу от рубежа и Батумом? Естественнее было бы возражать против такой мысли туркам потому что в этом случае грузины - мусульмане, турецкие подданные, пожалуй, подвергались бы более сильному влиянию Грузии, чем наоборот. Культурно Батум можно предполагать и в будущем будет сильнее Артина или Ардануча.

По существу же вопроса можно бы прибавить, что имеются точные сведения о намерении турецкого правительства организовать для Карса, Ардагана и пр. выход в Черное море посредством сообщения их с Хопа, на Лазистанском побережья.

Один из немногих европейцев, посетивших Лазистан и Турецкую Грузию в последние годы, английский автор "Истории грузинского народа", В. Э. Д. Аллен*), в докладе, сделанном в конце 1828 г. одному из лондонских ученых

*) Ему же принадлежит очень интересный обзор мусульманской Грузии в работе об «Окраинах Грузии», напечатанной в английском Географическом Журнале (т 74 вып. 2, август, 1929 г.), с картой и рисунками.

обществ, под председательством фельд-маршала виконта Алленби, сообщал по поводу своей поездки летом того же 1928 г., между прочим следующее:

"Хопа — небольшое поселение рыбаков с открытой стоянкою для судов. Возможно, однако, что значение его возрастет. Новая граница отрезала Чорохское ущелье от Батумского порта, и турки устраивают в Хопа порт для Артина, Ардагана и даже для района Карса". Уже тогда предполагалось соединить Хопа с Борчха (на Чорохе) хорошей, пригодной для автомобилей, дорогой. Задача эта, повидимому, выполнена. Одновременно, исправлено старое военное шоссе, соединявшее при русском владычестве Карс и Ардаган с Чорохским ущельем (и Батумом).

В Борчха через Чорох переброшен недавно новый мост, одно из главных сооружений этого рода, построенных в последние годы трудами турецких инженеров, и шоссе, как только что сказано, продолжено до Хопа, где производятся дальнейшие работы по улучшению порта. Судя по этим данным, (заимствую их у одного из новейших немецких биографов — Ататурка), особой необходимости в торговом выходе Артин-Батум турки не ощущают.

3. Авалишвили.

АЗАД-БЕИ.

Еще о руссификации под флагом интернационализма

СТАТЬЯ нашего коллеги З. Авалишвили, "Гора языков", напечатанная в октябрьском номере "Кавказа", дает мне лишний повод вернуться еще раз к затронутой в прошлой моей статье теме — "Руссификация под флагом интернационализма".

Как легко можно припомнить из содержания моей прошлой статьи, опасность руссификаторской тенденции московских "интернационалистов" я видел не в одной лишь замене алфавитов северо-кавказских народностей русскими буквами, а **главным образом**, в ограничительной политике развития литературного языка, которая идет против стабилизации орфографий подвластных народов в желательном для них самих духе и направлении, равно как и эмаксипации их терминологий от московского влияния.

Но, разумеется, сказать, что сама тенденция навязывания русского алфавита нерусским народам была бы актом совершенно безобидным, лишенным всякого руссификационного умысла, было бы черезчур "оптимистично". Кроме того, в данном случае, важны не те или иные **результаты**, которые могут получаться, а сама **тенденция**, сама эта **политика** московских заправил, идущая против как афишируемой ими собственной марксистской программы, так и против культурно политических интересов заинтересованных народов. Что касается до самих результатов, не будь со

стороны заинтересованных народов известного сопротивления, вызываемого вполне заслуженным недоверием к мероприятиям господствующего народа, то навязывание русского алфавита для горских — или иных — народов не было и не есть столь праздным занятием, как это может показаться, если смотреть на вещи чисто академически.

Конечно, если дать термину "руссификация" то, несколько, крайнее значение, которое дается нашим коллегой, то есть "превращение в русских", результатов этих можно и не опасаться: горские народы Кавказа не стали русскими. Но, беря тот же самый термин в его социально - политическом смысле, нельзя сказать, чтобы руссификаторские усилия прежнего русского правительства прошли **совершенно даром** не только среди географически близких и национально не вполне сплоченных горских народностей, но и среди других народов Кавказа... Примером этого положения могут служить, главным образом, во-первых, то обстоятельство, что среди многих кавказцев, прошедших русскую школу, считалось "моветоном" интересоваться родным языком или даже говорить на нем, во-вторых, овладение русским языком культивировалось "до чертиков" в том смысле, что у некоторых горских народностей знающие русский язык говорили — и говорят — на этом языке даже без природного их акцента — обстоятельство, отнюдь, —

не идущее в пользу сохранения национальных особенностей. Я лично полагаю, что "говорить без акцента" на иностранном языке вовсе не так необходимо, достаточно говорить на нем **корректно**, безошибочно, но без искусственного преодоления родных гортанных звуков. **Наличие акцента является именно одним из признаков национальной устойчивости, консерватизма.** Возьмите, например, манеру иностранного говора у англичан и у французов — было бы большой редкостью встретить среди них человека, говорящего на иностранном языке "без всякого акцента". Это уже вопрос не только одной фонетики, но и признак степени культуры у данных двух народов ("говоря на иностранном языке с точки зрения чисто утилитарной, и не нуждаясь в "приспособлении"), их национального консерватизма. Французы даже и латынь произносят на их собственный манер! А есть у нас, в редком кругу эмиграции, лица, которые порываются даже по французски "говорить без акцента", или с "парижским акцентом", картавя неестественно и силясь произносить "г" вместо "р" — в результате выходит какое то неудачное кудактанье.

В этом отличительная черта "приспособленцев", которые, желая уподобиться иностранцу, отрешаются уже этим сами от части своего национального. Принимая же во внимание, что отношение между господствующим русским народом и "иностранцами" не мерилось и не мерится одними лишь чисто лингвистическими научными экспериментами, то желание "говорить без акцента" уже претворившееся в жизнь, среди говорящих по русски некоторых

горских народностей, конечно, может рассматриваться не как "прогресс", а как уступка — невольная, а может быть и вольная — тем же руссификаторским тенденциям. Говоря же об алфавите, нельзя конечно сравнивать практическое влияние русского и латинского алфавитов: русский алфавит, при существующем порядке вещей **может** служить способом руссификации, тогда как латинский, не являясь достоянием определенной нации, при том же господствующей над другими, не может представить какой-нибудь опасности: "латинизироваться" при всем даже желании нельзя, а руссифицироваться в нашем положении — сколько угодно.

В данном же случае, теперешние московские власть имущие несколько не скрывают своих **именно** руссификаторских тенденций, когда они заменяют латинизированный ими арабский алфавит русским. "**Правда,**" печатая впервые реляцию о проекте заменить кабардино-балкарский алфавит русским, определенно подчеркивала его мотивы: **латинизированный алфавит затрудняет усвоение кабардинским народом русского языка и культуры и обратно.**

Это "обратно" здесь, положим, стоит для "рифмы". Не только это: она объясняла переход от арабского алфавита к латинскому, как меру "борьбы против панисламизма". Следовательно, в алфавитном факте, большевики видят средство борьбы против тех или иных тенденций, равно как и средство "привлечения" в то или иное лоно.

Что это так, припомним кстати недавнюю еще эпоху когда московские заправила, которые вели еще "противо-западную" политику, охотно журили

своих "рвачей", ведущих "двусмысленную политику в национальном вопросе", в смысле именно внедрения русского алфавита. Так, например, журнал "Национальная Книга", в 1931 г., указывая на "политические уклоны в национальном вопросе", писал следующее:

"Так, великодержавный шовинизм старается навязать народам Советского Союза русскую графику, стремится сохранить национальные алфавиты, не выходя за пределы количества букв, существующих в языках передовых национальностей (т. е. русских), в результате чего игнорируются национальные особенности языков отсталых народов*).

История русского господства над иноподданцами полна этой тенденции — руссификации посредством алфавита, и теперешние заповеди бывшей российской империи, все больше и больше начинают перенимать у царской России ее методы. Припомним слова генерала Милютина, поставленного одно время во главе министерства народного просвещения, который, в правых русских кругах, слыл за "либерала": когда ему представили на рассмотрение проект руссификации польского алфавита, "либеральный" русский министр положил на нем следующую резолюцию:

"Русские письма должны закончить то, что начато мечом".

Об этом же думают нынешние рус-

ские "милютини", — разница лишь в том, что они обладают большей долей лицемерия, чем их предшественники.

Таким образом элемент умысла, объясняемого великодержавным шовинизмом, в данном случае неоспорим, на что мы и хотели обратить внимание читателя, указывая на эволюцию, происшедшую в политике московских интернационалистов. Таким образом, оказывается, что беда не совсем то исключена, когда "какойнибудь звук какого-либо из местных языков или наречий" графически будет изображаться при посредстве не арабской и не латинской буквы, а при посредстве русской.

Что касается многоязычия на Кавказе, главным образом, среди горцев, я тоже склонен, как и З. Авалишвили, видеть в этом "беду". Тем более, что московские узурпаторы наших народов строят на этом многоязычии свои великодержавные руссификаторские тенденции и меры.

Большевики ищут и находят у нас искусственные допотопные народности, которые, будучи ассимилированы давным давно с главным народом, не отличаются от него ничем особенным, разве только сохранившимися от прадедов обрывками старинного наречия. Не говоря уже о горских народах, в Азербайджане, за исключением основных жителей, — армян, русских, горцев и грузин, большевики нашли и "культивируют" еще около 10-ти других "народностей", как например, талыши, таты и пр., у которых сохранилось кой какое "патуа", в большинстве случаев, дефигурированный персидский язык, который, кроме

*) Последняя тенденция, имеющая целью отучить иноподданцев от их природных акцентов, не могущих сблизить их фонетику с русской фонетикой, замечается и в упрощении кабадринской письменности: вместо 46 ординарных и 9 двойных знаков латинизированного алфавита, русская «графика» будет содержать лишь 32 буквы, плюс алостроф.

характера “питtoresк”, ничего особенного из себя не представляет и никакой будущности не имеет. Но большевики продолжают фаворизировать эти мертворожденные наречия, не в рамках чисто этнографических курьезов, но сиюсья придать и **социально - политический характер**: эти новоявленные народности должны осознать свою **отчужденность от главного народа**, с которым они срослись в течение веков.

Эта своеобразная политика московских правителей направлена, в тайне, на политическое разобщение и ослабление “союзных” республик, которые они не хотели бы видеть однородными, монолитными, так как, на своем собственном примере, они видят всю **слабость разнородного государства**. Эта политика разобщения может, в случае нужды, играть на руку Москве, против основных народов той или иной республики: в советской прессе, иногда встречаются сетования на “великодержавную” тенденцию основных народов по отношению к этим “меньшинствам”, в глазах которых Москва должна слыть, таким образом, за большую благодетельницу.

Мне думается, что этот случайный феномен, обречен на такую же неудачу, как и все остальные попытки большевиков на “культурном” фронте, и во всяком случае, сойдет со сцены вместе с самим режимом. Основные народы сами сумеют затем организовать должное научное исследование тех или иных говоров, наречий, диалектов и просто атавистических навыков той или иной части своих граждан, той или иной части своих областей.

**

Остается вопрос, более сложный,

чем предыдущий, многоязычия горских народов, который, по справедливому замечанию З. Авалишвили, сегодняшняя русская власть осложняет еще более, искусственно углубляя регионализм под флагом научных “открытий”. Но и этот вопрос, как и предыдущий, связан с вопросом общего освобождения от русско-большевицкой опеки: когда Кавказ не будет вынужден штудировать “культуру” по московской указкѣ, он сумеет найти иной путь к достижению необходимой сегодня западной культуры с ее техническим оснащением. Что же касается **культуры** вообще, в ее значении чисто моральном, я лично полагаю, что Кавказские народы — включая и самые незначительные затерянные в горах народности — не нуждаются ни в чьих уроках морали, тем более русских, с их неизмеримыми перегибами то в одну, то в другую крайности: **у наших народов** были и есть моральные устои, нисколько не уступающие таковым других более цивилизованных народов, а то иногда и превышающие.

Вот почему я не вполне согласен с З. Авалишвили в его несколько пренебрежительном взгляде на наши адаты “верования, предрассудки, кавыки” и т.д. В них заключается и основа нашей патриархальной культуры. Отклонение от некоторых устоев нашей повседневной жизни, от наших традиций, может толкать наши народы на другие нежелательные пути...

Для усвоения западной культуры и технических наук, слава Богу, эти народы не поставлены перед дилеммой — “или русский язык или “безкультурие”. Для этого есть языки, более близкие по духу и быту этих народов, которые мо-

гут служить таким же проводником культуры, как и русский, или даже любой европейский. Это мы видим на примере тех стран на Дальнем и Ближнем Востоке и даже в Африке, которые усвоили и усваивают западную культуру посредством своего собственного языка, не усыновляя чужого, был бы он хоть и европейский. И, слава Богу, ничем не уступают в осваивании этой культуры своим западным коллегам...

Что касается Азербайджана, Грузии и Армении, вопрос не ставится: каждая из этих стран обладает языками, с достаточно богатым запасом слов, как для выражения высших эмоций, так и для изучения любой науки, — может существовать только известный нюанс в происхождении источников, из которых каждый из названных народов заимствует или захочет заимствовать недостающие в их языках технические или иные научные термины: одни захотят заимствовать их из западных источников, другие — из восточных и, как нам известно, в области чисто научной множество терминов заимствовано западными народами у тех же арабов. Конечно, существуют и появляются на арену новые термины, которые будут заимствованы всеми нами из первоисточников, но без того, чтобы перенять для этого русскую манеру их произношения (чего добиваются сейчас большевики).

Что же касается до горских народов, здесь тоже положение не так уже безвыходное, чтобы была необходимость заимствования какого нибудь чужого языка обозначаемого З. Авалишвили условно "европейским" — для того, чтобы эти народы приобщились оконча-

тельно к западно - технической культуре: они могут принять, как официально-государственный, один из существующих языков своих южных соседей, в данном случае, тюркский, на котором, кстати сказать, говорит значительное количество их населения: кумыки, балкары, карачаевцы, ногайцы, часть аварцев и т. п., и который предназначался даже большевиками быть государственным языком Дагестанской республики. Конечно, тюркский язык, не исключал бы сосуществования других горских языков, на которых также говорит **значительное количество** горского населения, каковым, например, является язык чеченский. Система билингвизма, и даже трилингвизма существует и в самой Европе. Тюркский язык, в его обобщенном и литературно законченном виде, экспансионные способности которого признаются и самим Авалишвили, могли сыграть в довольно значительной части Северного Кавказа ту же самую роль культуртрегерства, которую насильно дают играть сейчас русскому языку, более чуждому по духу и по тенденциям для заинтересованных народов, чем родственный тюркский.

Что же касается "международного положения" русского языка на Кавказе, то это тоже вещь весьма оспариваемая. Тот факт, что до сих пор, несмотря на больше чем столетнее владычество русских над Кавказом, язык господствующего народа, вопреки усилиям правителей не привился в наших массах — будь они горцы, грузины, армяне, азербайджанцы — может служить некоторым мерилем непопулярности этого языка среди подвластных народов: язык этот чужд по духу нашим народам. Говори-

ла и говорит на нем лишь небольшая прослойка интеллигенции русской школы и туземное чиновничество — и весьма плохо! Тогда как горские, армянские, грузинские и азербайджанские массы изяснялись между собой на местных языках, не проходя для этого никакой школы.

Здесь, несомненно, налицо та **духовно повседневная общность**, которая связывает так или иначе кавказские народы между собою, тогда как русский элемент рассматривается нашими массами как что то **органически для них чуждое, пришлое**.

Поэтому, я полагаю, что было бы принципиально неправильно ставить вопрос об употреблении нашими народа-

ми русского языка как дилемму: "или" ... "или". Нисколько не преуменьшая значения русского языка, как одного из иностранных языков, к тому же весьма звучного и даже богатого по содержанию, обладание которым весьма полезно в порядке, конечно, **добровольности**, я не могу допустить мысль, что этот язык будет играть руководящую или международную роль в культурной жизни наших народов, после освобождения страны от русской оккупации.

Сама твердая вера в конечное торжество наших национальных чаяний, должна предостеречь нас от постановки подобных дилемм.

Азад бей.

В. ОЛЕНИН.

Кавказские силуэты

ВОИН — ПОЭТ — ФЕОДАЛ.

„КАВКАЗ“ недавно закончил печатанием очень интересные воспоминания ген. Кундухова, получившего русское военное образование, делавшего блестящую военно-административную карьеру в своей родной стране и отказавшегося от работы всей своей жизни после трагического в ней разочарования. Поняв бесплодность всех усилий принести пользу родине в условиях российской государственности, ген. Кундухов, увлекая за собою многих сородичей, эмигрировал в Турцию, стал турецким пашою и даже участвовал на сторо-

не турок в войне против России в 1877-1878 г. г.

Какая замечательная, какая трагическая судьба, — тема — поистине шекспировская.

Но в оставленных им воспоминаниях Муса Кундухов говорит обо всем с удивительной простотой и непосредственностью, — психологические его переживания все время подчинены спокойному сознанию долга, — точно они ему легки, неизменно подсказанные отчетливым голосом совести. Секрет этого спокойствия уже для нас утерян, как утеряны

многие первозданные инстинкты, но у тех старых кавказцев, родившихся в условиях почвенной патриархальности, он еще имелся, определяя их отношение к окружающему.

Искренни и безхитростны мемуары ген. Кундухова, — так легко и так просто высказывает он все, что думает. А между тем, он порою очень зорок в своих определениях и характеристиках. Несколькими строками обрисовывает он иногда с большой точностью и ясностью то или иное положение, того или другого человека. А последняя 12-я глава воспоминаний содержит замечательные прозрения. Говоря, напр., о государственном росте России, он внезапно прибавляет: “но! основываясь на ясных фактах, приходится сказать, что растет она под мраком таинственности, — никто, кроме Бога, по сие время не ведает, растет она в пользу или во вред свой”. Сказать это в ту пору, когда так высок был престиж России, в особенности на Востоке, — свидетельствует об очень большой зоркости, об очень наблюдательной и независимой мысли.

Говоря о разных фактах, порой крупного исторического значения в прошлом Кавказа, сквозь которые извилисто шла его посвященная родине жизнь, Муса Кундухов попутно очерчивает иногда лишь несколькими штрихами того или другого деятеля, но часто эти краткие характеристики, всего лишь в несколько слов, дают сразу четкое и ясное представление о человеке. Иногда он отмечает только какое нибудь случайное, незначительное обстоятельство, а оно вместе с тем бросает мгновенный свет на людей и на обстановку.

В числе других запоминается, напри-

мер, встреча его с кн. Григорием Орбелиани. Буквально — несколько строк. Вот что пишет Кундухов:

“Возвращаясь назад в Тифлис (из Коджор) на половине дороги я встретился с тифлисским генерал-губернатором кн. Григорием Орбелиани, ехавшим в Коджори. Оба экипажа наши остановились. Я выскочил из своего и подошел к нему проститься и поблагодарить за ласку, которую он мне постоянно оказывал, и увидел, что из глаз его градом покатались слезы. “Бог с тобой!” — мог только выговорить он и приказал экипажу своему тронуться. Оставшись один на дороге, я сначала сильно был озадачен скорым его отъездом. Потом понял его так, что он не захотел иметь кучеров и людей наших свидетелями его сильного смущения и невольных крупных слез”. Тут автор делает внизу примечание по поводу кн. Орбелиани: “Он никогда не желал русского владычества в Грузии и, в 1830 году был сослан в чине капитана в Россию за бывший бунт в Грузии”.

Вот и все. Краткая сцена свидания закончена.

Но принимая во внимание, что ген. Кундухов делал тогда свои прощальные визиты перед окончательно решенным переходом в Турцию, она сразу получает свой окончательный смысл и значение для характеристики внутренней трагедии обоих действующих лиц — трагедии, по существу очень родственной, но ген. Кундухов находился в этом отношении психологически в более выгодных условиях. За ним была единая Турция, куда он переместил все свои упования (ошибочно или нет — это вопрос другой), но там рассчитывал

он продолжать великое дело своей жизни во имя дорогой родины и ее народа.

Князю же Григорию Орбелиани еще в юности предстоял выбор между безцельным существованием сосланного и опального крамольника и между попыткой приносить посильную пользу своей родной Грузии, делая российскую административную карьеру со всеми неизбежными приспособлениями и компромиссами. Для человека его среды и его времени другие пути в России, какими шли впоследствии, каждый по своему, Илья Чавчавадзе и Нико Николадзе (пусть Пилсудского) были, конечно, закрыты. Не мог Григорий Орбелиани стать активным революционером и даже народным трибуном и журналистом, — ведь то грузинское восстание, в котором он был замешан, — это еще 1830-й год, — с точки зрения российской революционности — это еще дворянский, тогда уже покаявшийся, “декабризм”.

И при своих блестящих способностях, при своем светлом уме и врожденном такте, став на путь карьеры, он сделался тифлисским генерал-губернатором, генерал-адъютантом Его Величества, заменял одно время почти полный год кавказского наместника, имел высший государственный орден Св. Андрея Первозванного, который имели лишь немногие из наместников. Как грузина, его не решались оставить начальником края, да и к тому же этот высокий пост был передан брату Государя — великому князю Михаилу Николаевичу. Вот какую карьеру сумел сделать опальный капитан, замешанный в грузинском восстании 1830-го года.

Но Турции у него в резерве не было. Как бы ни мучили разочарования,

он должен был хранить наружное спокойствие, глубоко подавлять свои действительные внутренние движения. “Он никогда не желал русского владычества в Грузии”, — делает свою безхитростную ремарку ген. Кундухов по поводу этого представителя российской власти — тифлисского генерал-губернатора.

Но проездом — по дороге между Тифлисом и горным дачным местом Коджоры, на полпути, как раз у своего имени Табахмели (впоследствии перешедшего в семью кн. Левана Меликова, женатого на княжне Орбелиани, — кавалерственную даму княгиню Александру Макаровну еще, конечно, хорошо помнят многие старые кавказцы) этот удачливый карьерист встречает давнего знакомого, к которому проявлял неизменную “ласку”, с которым был “на ты”. И тот говорит ему о своем решении бросить все в России, расстаться со своим делом, положением и главное — с родиной, уйти в Турцию. Кн. Григорий Орбелиани не удивляется, не отговаривает, не осуждает, он только взволнованно может произнести “Бог с тобой!” и “из глаз его градом покатались слезы”, которые он и должен, и хочет скрыть от окружающей челяди, немедленно приказав экипажу тронуться.

Какая глубокая внутренняя трагедия. Конечно, не разлука с добрым знакомым, которого он по условиям службы даже не так часто видел, заставила заплакать тифлисского генерал-губернатора, так что слезы полились “градом”, — нет, тут было сознание собственной своей судьбы, переживающей тот же трагический разлад, как у бегущего в Турцию Кундухова.

В большей или меньшей степени он

сказался. этот разлад, не мог не сказаться почти у всех известных деятелей Грузии, даже тех, кто работал, казалось, только для России, только на русской службе, которых в свое время считали прочно обрусевшими. Кн. Григорий Орбелиани, конечно, никогда не "обрусевал", даже во внешних проявлениях, — ведь рядом со своей военно-административной карьерой русского, вернее, российского, генерала — это был даровитый грузинский поэт, один из самых самобытных, я бы сказал, самых восточных, а то и азиатских, наименее отразивших влияние русской поэзии, наиболее близких, и по духу и по манере, образцам прошлого — Руставели и Персии.

Но попутно, вспоминая этого красивого, видного, величественного старца, каким я знал его в раннем детстве, не могу вообще не напомнить кавказцам яркие образы, многим, конечно, близкие и даже родственные, эффектных и живописных по внешности представителей древних и прославленных родов Грузии, которых судьба родины бросила на службу России. Это была действительно избранная историей аристократия нации, — пусть даже в прошлом веке им приходилось делать не национальное дело, — ведь путь сближения с Россией был пройден и мусульманином Кундуховым, — рано или поздно, почти всем из них пришлось пережить дни горького разочарования, почти каждый принужден был скрывать от окружающих запоздалые слезы напрасно растраченных сил, не оправдавшей себя почти бесполезной жизни, несмотря на все ее внешние удачи.

Кавказский феодализм, который застала в крае Россия, был в значительной мере смягчен простотой уцелевшего и долго державшегося патриархального быта. Быт этот стали разрушать еще дореволюционные русские порядки и понятия, с их уклоном в "нигилизм", — сейчас приканчивают большевики.

Но нынешнее поколение "отцов" помнит, конечно, тех стариков с наружностью кн. Гудала, как он гримировался в опере "Демон", которых я сейчас вспоминаю, хотя самые характерные из них — это уже в более отдаленном прошлом, если не "грибоедовских и пушкинских" времен, то шестидесятых и семидесятых годов прошлого столетия.

Один из наиболее ярких образов в этой портретной галерее — князь Григорий Дмитриевич Джамбакур - Орбелиани — сановник, воин, поэт, феодал.

Относительно древности рода князей Орбелиани, как говорят — выходцев из Китая, существует анекдот, будто бы один из предков, живший еще во время всемирного потопа и спасавшийся на вершине скалы, взывал к Создателю: "Неужели, праведный Боже, Ты дашь погибнуть представителю такого древнего рода?"

Совершенно невозможно определить, какое именно состояние получали в наследство потомки этих старых феодальных родов. С земельной собственностью на Кавказе так до конца и не могли сладить российские межевые учреждения, пока еще право на землю считалось неприкосновенным. Один член тифлисской судебной палаты, шутя говорил: "извольте разобраться в этих тяжбах, ко-

гда исторические дарственные записи часто таковы — дарую тебе всю землю от того места, где мы вчера завтракали, до того, где был убит сегодня большой серый орел”.

Некоторые поместья состояли из многочисленной группы отдельных врозь разбросанных клочков, и сами собственники точно не знали, что кому принадлежит. Россия со своим капиталистическим строем, с ипотечными банками, дала возможность легко извлекать из этих земель наличность, так что многие помещики сразу почувствовали себя сказочными богачами с неисчерпаемым фондом, и расточительность их сейчас кажется прямо невероятной. Таяли за одно поколение огромные состояния с несколькимистами деревень, полученных в наследство.

Вспоминается мне в один из последних годов 19-го столетия поездка моя из Тифлиса в Петербург, когда курьерский поезд из-за снежных заносов шел дней десять от Ростова до Москвы. Целый вагон 1-го класса с салоном занимал тифлисский предводитель дворянства князь Константин Багратион-Мухранский, который ехал с целым штатом прислуги. Ежедневно кормил он у себя в салоне всех тех, кого вздумается, из пассажиров поезда, не говоря, конечно, о знакомых.

Вперед заказывались по телеграфу на больших буфетных станциях индейки, куры, окорока, огромные рыбы, свежая икра, — это было непрерывное пиршество, приводившее в полное изумление и неопикуемый восторг группу ехавших в поезде французов — инженеров, которые, потирая руки, с лоснящимися в сладкой улыбке лицами, акку-

ратно являлись по несколько раз в день к княжескому столу — “пур аттакэ ле монстр” (индюков, каплунов, рыб).

Таков же был в ширине своих трат и другой тифлисский предводитель кн. Д. З. Меликов, очень интеллигентный и умный человек, — и не удивительно, что самые огромные состояния погибали в руках этих людей со сказочной быстротой. Но жизнь тем не менее текла с большой легкостью и дальше, — на уцелевших клочках оказывались какие то новые ресурсы — руда или нефть, были связи, кредит, а главное — не покидала та простодушно безпечная жизнерадостность, которая скрашивала всякие невзгоды и удары рока.

Другой век, другие понятия, — можно сказать — другой мир.

Но это вовсе не были только сумасбродные расточители, терявшие потом под ногами всякую почву. Те, которые разорились, оставались после совершенно такими же, и нельзя припомнить ни одного случая самоубийства или мрачного помешательства. Человек, кормивший в дни достатка целый поезд, потом обнищав, с тем же веселым радушием разделял со своим гостем последний кусок хлеба, последний кувшин вина.

Тут была своеобразная психология, обусловленная обильной природой, историей и бытом, жизненная философия в духе безпечного “анакреонизма”, резюмируемая непереводаемым грузинским восклицанием “махлас!”, хорошо известным всем кавказцам, которое приблизительно значит по русски: “не все ли равно!”, или “будь, что будет!”, или еще: “все это, в сущности, чепуха!”, или — “обойдется”...

Психология эта близка и родствен-

на тому спокойному сознанию тленности мирских благ, тому мудро-созерцательному благодушию, которое так характерно в восточной поэзии, хотя бы у Омара Хайяма.

Где вы, друзья? где вольный ваш припев?

Еще вчера, за столик наш присев,
 Безпечные, вы бражничали с нами —
 И прилегли, от жизни охмелев...*)

Это Омар - Хайям.

А вот Григорий Орбелиани:

Ждал тебя я вчера, мой товарищ и гость, —

Я припас и вино, и баранины кость, —
 Ты, увя не пришел, а прилег на пути, —

Не пора-ль самому за тобою итти?
 Будь спокоен, мой друг, — я приду,
 я приду, —

Только дай мне закончить вино и еду...**).

Богатая поэзия Грузии прошлого века несомненно отразила в себе психологическое и художественное влияние Востока, — она, конечно, ближе Омар-Хайяму и Хафизу, чем Пушкину, Лермонтову и Некрасову.

Не давай мне вина, — без него опьянен

Я безумной любовью к тебе, а не то
 Мне изменит язык, и тебе скажет он
 Про любовь, о которой не ведал никто...***).

Так начинается очень известное стихотворение все того же Григория Орбе-

лиани, но эта строфа могла бы, конечно, быть из Хафиза, как и далее:

Я с цветком миндаля твои щеки сравнил...

Генералом русской службы был и тесть Грибоедова — князь Александр Герсеванович Чавчавадзе, автор известной застольной песни:

За здравие всех нас, кутил!

Наш праздник теперь наступил...

Он находился в армии во время поmolвки своей дочери Нины с Грибоедовым и на известие об этом ответил: воюю, пью, радуюсь, благословляю".

Формула "воин, поэт, феодал" вполне применима и к тем из этих людей, которые не были стихотворцами и не создавали рифмованных строк. Но в самом их восприятии и жизни, и в особенности природы была какая то своеобразно-восточная врожденная художественность — они живописно говорили и живописно носили одежду, они умели ценить красоту, искренно любя свои горы, свое горячее солнце, свое синее небо, проникаясь всеми поэтическими настроениями, которыми их чаровала прекрасная родина, навеявшая столько вдохновенный поэтам.

Вспоминается мне одна ночь в горах, когда перед самым рассветом я вышел на балкон над Арагвой, невольно повторяя Пушкина:

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
 Шумит Арагва предо мною...

Когда начало светать, на тот же балкон вышел из соседней комнаты тогда уже глубокий старик, известный кавказский генерал — князь Иван Гивич Амилахвари — один из последних предста-

*) Перевод И. И. Тхоржевского.

***) Перевод П. А. Опочинина.

***) Перевод И. Ф. Тхоржевского (отца).

вителей все того же типа людей, о которых я говорю.

Было это на почтовой станции Военно-Грузинской дороги, где мы оба ночевали, не подозревая о нашем соседстве.

— Любуетесь? — спросил он меня.

— Да, да, — продолжал князь Амилахвари, — теперь не часто удается это видеть — рассвет в горах. Да и не всякому нужно, да и некогда смотреть и думать. А ничего нет важнее для человека, как вот так с Богом поговорить. Самые были счастливые люди — наши отшельники в горах. Здесь есть неподалеку маленькая часовня, — вот пройдите туда, — какое дивное место. И соворите молитву, — как легко вам будет. Почувствуете благословение Божие — верьте мне. В горах, в облаках — к Богу ближе. Да вы это сами поймете, раз сюда ночью вышли Арагву слушать и любоваться...

Разве это не поэзия?

Туда-б в заоблачную келью —

В соседство Бога скрыться мне!

(“Монастырь на Казбеке”).

Так говорит Пушкин, а эти слова о часовне — как они напоминают Лермонтова:

С тех пор на праздник иль на битву,

Куда-бы путник не спешил, —

Всегда усердную молитву

Он у часовни приносил...

(“Демон”).

Вот эту духовную близость природе, эту спокойно созерцательную мудрость Востока умели они сочетать с простодушно легкомысленным восприятием жизни, с детски непосредственным, веселым и шутивным отношением к окружающему.

Князь Григорий Орбелиани обыкновенно в дни праздников и поста приглашал священника и певчих служить у себя на дому. Присутствовали родственники, знакомые и всякие домочадцы, князь стоял впереди с серьезным лицом, крестился и опускал голову.

Но когда служба слишком затягивалась и ему надоело, он начинал вздыхать, двигаться, словом, проявлял признаки нетерпения и, наконец, во время какого нибудь монотонного чтения дьячка, громко заявлял:

— Достаточно, — и делал знак рукою.

После того он уходил в соседнюю комнату, а здесь торопились поскорее закончить службу, так как князь уже ждал с чаем священника в столовую.

Лев Толстой очень наблюдательно отмечает в “Хаджи-Мурате” на приеме у Воронцова большой такт этих людей в манере себя держать и вести беседу. Часто, почти без образования, чуждые навыкам европейской культуры, они не терялись ни в каком обществе, были желанными гостями в Петербурге, бывали при дворе, в аристократических клубах, никогда не допуская ничего резкого и неудобного ни в поступках, ни в словах.

У них была своя собственная, вековая, их умудрявшая, древняя-преддревняя культура Кавказа — этой колыбели народов.

В сущности на Кавказе никогда не забывался общий язык сановника и простолюдина, и сохранялась естественная связь сословий. Не было типичного для России разобщения — этой пропасти между привилегированными и “массой”. В Грузии в одной и той же семье один брат мог быть губернатором, дру-

гой зубным врачом, третий собственно-ручно обрабатывал землю. Патриархальный быт мог постепенно с большой легкостью преобразиться в подлинный и прочный демократизм современного европейского и американского склада. Он был бы даже цельнее, правдивее. Для этого не нужны были ни кровавые революции, ни вмешательство Маркса.

Мучительно зависть седому Кавказу от взбалмошной, еще себя не нашедшей России. Искренно хотели с ней с-

трудничать представители его славных исторических родов, — их дело оказалось мертвым.

И слушая исповедь бегущаго в Турцию Кундухова, осыпанный всеми возможными почестями тифлисский генерал-губернатор, сановник и богатый помещик, но вместе с тем большой национальный поэт Грузии — залился горькими слезами.

В. Оленин.

В. ЭМУХВАРИ.

Денежная политика до военной Германии

РЕДАКЦИЕЙ получена статья известного в Абхазии общественного деятеля Вл. Эмухвари, при следующем препроводительном письме:

Глубокоуважаемый г. Баммат!

Хотя я не имею чести лично знать вас, но то обстоятельство, что я являюсь абхазским интеллигентом, должно, мне кажется, быть достаточным, чтобы просить о вашем гостеприимстве. До сих пор мне приходилось работать только в грузинском масштабе, но работа эта слишком незначительна, благодаря тому обстоятельству, что грузинская общественность умерла. Теперь цвет интеллигенции в эмиграции начинает группироваться около вас. Мне очень хочется поделиться плодами моего труда в Западной Европе с абхазской учащейся молодежью, которая, пока я был на родине,

любила меня, и которую я очень люблю. Так как всего труда вы не можете напечатать в вашем органе, то по крайней мере очень прошу вас напечатать это небольшое введение, которое я при сем вам присылаю. Интересы абхазской академической молодежи, которая создавалась не без моего участия, требуют, чтобы вы оказали мне гостеприимство исполнением моей просьбы.

Примите уверение в истинном почтении

В. Эмухвари.

Редакция "Кавказа" дает место на своих страницах помянутому "введению" автора, который посвящает свой обстоятельный труд абхазской учащейся молодежи. Хотя и затрагивает оно тему академическую, но отчасти представляет интерес и для нас, трактуя о задачах и принципах денежной политики фе-

деративного государства, каковым была старая германская империя и должен стать Кавказ.

ВВЕДЕНИЕ.

Задачей настоящей работы является исследование денежной политики Германской империи до войны. При этом в качестве начального момента для нашего исследования мы берем 1871 год, т. е. когда Германия окончательно сформировалась в качестве федеративного государства и приступила к организации денежной системы на основе валюты с денежной единицей — маркой. Мы считаем необходимым тут же отметить, что образованию Германской империи предшествовало возникшее в 1866 году и предусмотренное заключенным между Пруссией и Австрией 23 июля 1866 года Никольсбургским перемирием, а потом 23 августа того же года Пражским миром, объединение государств, лежащих к северу от линии реки Майна под названием Северо-Германского союза, к которому впоследствии примкнули и южно-германские государства. Так как господствующей валютой в северо-германских государствах и, в частности, Пруссии, являвшейся гегемоном в Союзе, была серебряная валюта с денежной единицей Талером, равным 3 маркам, то этот серебрянный талер и был положен в основу денежной системы Северо-германского Союза. В 1871 году, после войны Пруссии с Францией было положено начало мощному государственному образованию, которое вступило в концерт мировых держав под названием Германской империи. Главой государства являлся немецкий император, который был в то же время королем Прус-

сии. Законодательными органами империи был Рейхстаг, созывавшийся на основе всеобщего избирательного права и Союзный Совет, состоявший из представителей, входящих в состав Союза государств, причем Пруссии принадлежало в нем наибольшее количество голосов. Мы не считаем возможным излагать подробно конституцию империи, которая была опубликована 16 апреля 1871 года, нас она интересует, поскольку регулирует компетенцию в области денежной политики и политики финансовой. Мы считаем необходимым строго разграничивать эти два понятия — денежной политики с одной стороны и финансовой — с другой. Некоторыми сторонами эти два различные понятия соприкасаются друг с другом, в особенности же в критические моменты жизни государства, когда денежная политика становится почти интегрированной частью финансовой политики, когда государство в значительной степени питается денежной политикой, но и в эти моменты задачей государства является восстановление нормального соотношения между этими двумя областями, отделение денежной политики от финансовой.

Финансовая политика служит потребностям государственного организма, неразрывно связанным с отправлением им своих функций, вытекающим из деятельности государства по выполнению им своим задач. Денежная же политика служит тому фонду, из которого государство черпает средства своего существования. Народное хозяйство нуждается в средствах обращения. Государство денежной политикой снабжает его этими средствами, они же в механизме хозяй-

ственной жизни рассасываются по различным каналам, способствуя оплодотворению хозяйственной энергии нации, росту доходов и накоплению имущества. Из этих каналов государство путем аппарата финансовой политики извлекает нужное ему количество средств для удовлетворения своих потребностей. Потребности народного хозяйства в средствах обращения не безграничны: они определяются факторами, совершенно иными, чем потребность государства. Задачей денежной политики является правильный учет этих потребностей и удовлетворение их в нужных пределах. Денежная политика должна направляться не интересами государства, а исключительно интересами народного хозяйства, и, если при этом государство при самой совершенной денежной политике и извлекает кое какие финансовые выгоды, то они являются, во первых, незначительными, а во вторых не являются целью, а лишь отраженным результатом. Некоторые денежные теоретики, как напр., Фридрих Бендигсен, считают недопустимым для государства извлечение даже самых невинных выгод из денежной политики. Но бывают острые моменты в жизни государства, когда последнему приходится прибегать к аппарату денежной политики для покрытия своих расходов, когда в каналы обращения пускаются денежные знаки не согласно с интересами народного хозяйства, а исключительно в финансово-политических целях. Тогда наступает нездоровое состояние, именуемое инфляцией. Проблема ликвидации этого состояния является проблемой освобождения денежной политики от финансовых целей, возвращения денежной по-

литике ее независимого положения.

Финансовая политика Германской империи носила на себе черты, вытекавшие из ее союзного характера. Тут мы считаем не лишним привести блестящие строки, посвященные Лоренцем Штейном характеристике финансовой системы союзного государства вообще.

“Финансы союзного государства, — пишет Лоренц Штейн, — начинаются с представления, что они заключают только услуги отдельных государств союзу, и только медленно приходят последние к сознанию, что они со своими финансами стоят отчасти под финансовой властью союза, в той или иной форме организованной, но в то же время одинаково суверенной. Только тогда, когда такое сознание становится ясным, начинается более высокое значение союзной финансовой политики и выступает наружу противоположность и борьба между суверенитетами отдельных государств и союза.

“То что в этом процессе дает союзу твердый базис своего существования, это — сущность, форма и об'ем союзного имущества, а именно потому, что оно (имущество) связано с существованием союзной армии, как самостоятельной государственной силы. Чем больше размер этого имущества (крепости, флот, самостоятельные земли), тем крепче самый союз; для постоянства союза это имущество важнее, чем союзная организация верховного командования.

“Союзный же долг имеет для союза охраняющую силу только в той мере, в какой это соответствует интересам и желаниям союзных кредиторов.

Союзные регалии и союзные пошлины являются только административны-

ми мероприятиями и могут служить только в отдельных случаях спорными объектами.

“Союзная же налоговая система, напротив, имеет решающее значение. Именно в ней различие между прямыми и косвенными налогами приобретает значение, превосходящее пределы налоговой политики, тут то мы сталкиваемся с государство-образующей силой налоговой политики вообще, которая основывается на том, что прямые налоги согласно их государственной природе, обязаны своим происхождением обстоятельству, с которым государство связывает финансовые средства своего управления, следовательно, своего существования и которое также постоянно, как оно само, т. е. с различными формами владения капиталом*). С этой точки зрения прямые налоги представляются как основа и ручательство суверенного существования государства. Косвенные же налоги тесно связаны с отдельными потребностями жизни и развития индивидуума,—потому изменчивы, подвижны и

поступательны, как и эти индивидуумы; они являются, следовательно, финансово-политическим выражением и финансово-политической основой развития каждого государства.

“Из этого вытекает, что вопрос о границах между суверенной финансовой политикой отдельного государства, а также суверенной политикой союзного государства различается в последнем своем основании тем, что государственной финансовой политике предоставляются прямые налоги, а союзной налоги косвенные...”

Покуда сферой финансовой политики государства являются косвенные налоги, оно сохраняет и с финансовой точки зрения свой союзный характер; но по мере того, как союзная власть начинает простираться и на прямое обложение, происходит прекращение отдельного государственного суверенитета и образование одной цельной государственной системы со своим исключительным суверенитетом.

(Окончание следует).

Вл. Эмухвари.

*) Под капиталом Лоренц Штейн подразумевает и недвижимое имущество. В. Э.

Н. Н.

На меньшевицком митинге

ПОСЛЕ отвратительной книжки Цагурия и клеветнических писаний меньшевицкой газеты «Врзодие Хма», против конфедеративной группы журнала «Кавказ» и в особенности против его грузинских сотрудников, меньшевикам оставалось только устроить еще

митинг, с теми же лозунгами, и этот митинг в действительности состоялся.

4 декабря, в зале «Музея Сосналя», проф. Е. Такайшвили прочел оной доклад на тему — «Мусульманская Грузия». Как случилось, что мастера своего дела прилепосбили в докладу

ученого человека и превратили его выступление в погромный митинг, об этом ученый докладчик жалеет наверно больше всех.

Но факт однако тот, что террористических выкриков на этом докладе было не мало и в зале оказалось достаточно лиц, которые требовали «визничтожения» некоторых деятелей, широко известных грузинской эмиграции.

Нам по началу же было ясно, что «совещание» должно кончиться именно так. Двухмесячная подготовка этого «совещания», собрания в «партиях» и «группах», заранее заготовленные резолюции, с которыми делегаты этих «партий» и «групп» должны были явиться на «совещание», наконец, пригласительные карточки, с «бесплатным входом» и с оповещением о том, что в совещании примут участие представители грузинских группировок, все предвещало, что на «совещание» люди шли не столько послушать лекцию проф. Такашвили, сколько продемонстрировать эти «резолюции».

Когданибудь историк грузинской эмиграции с чувством омерзения отметит, что это было наиболее неприличное и наиболее безнравственное собрание, которое когданибудь имело место в грузинской эмиграции. Тот же беспристрастный наблюдатель обязательно отметит также и то, что главными водовозами, качавшими воду на мельницу Жордания, были не кто иные, как сбившиеся с толку «националисты».

Впрочем, ждать суда истории незачем, и собранию, на котором после такой длинной срешетовки присутствовало лишь человек до ста, другая часть свой приговор вынесла теперь же. И это она сделала, не потому, что вся она сейчас же и безоговорочно стала на позицию журнала «Кавказ», а из простого грузинского приличия. Она не пожелала идти на погромный митинг.

КОГО НЕ БЫЛО НА «СОВЕЩАНИИ».

По мысли инициаторов «совещания», чтобы придать ему всегрузино-эмигрантский характер, было сочтено за благо, чтобы на «совещании» председательствовал председатель грузинской колонии во Франции д-р Вахташ Гамбашидзе. Председатель ответил, что «совещание» созывается не им, а потому председательствовать на анонимно созванном «совещании» он отказывается. Д-р В. Гамбашидзе совсем не явился на «совещание». Не явились и бывшие председатели колонии: гг. Г. Журули и Д. Схиртладзе. Не было на «совещании» столь уважаемых членов грузинской колонии, как гг. Н. Джакели, Ан. Деканозидзе, и многих других. На «совещание» не явились политические деятели Сп. Кеда, Р. Габашидзе, И. Гобечиа, Д. Вачнадзе, Ш. Магалакелидзе и др. Не было на собрании ни одного авторитетного грузинского военного лица.

Особые усилия были употреблены на то, чтобы на «совещании» присутствовали редактор газеты «Мамавали» и редактор газеты «Музаради» — гг. А. Манвелишвили и Ин. Инасаги — аборигены мусульманской Грузии. Но не явились и они. Не было также «специулов» покойного кн. Чолокашвили и множества патриотов, покинувших Грузию после восстания 1924 года. Особо нужно отметить, что на собрание не явился Евг. Гегечкори, как не было и Ак. Чхенкели. Но этот последний не явился по весьма щекотливой причине. Нам известно, что с «резолюциями», принятыми на этом митинге, г. Чхенкели желал бы поехать куда то. Но нам известно также и то, что туда его не просят.

Само собою понятно, что на митинг, устроенный или подстроенный с такими намерениями, не могли явиться гг. ген. Квинитадзе, З. Авалишвили и Ш. Амиреджиби.

На собрании присутствовало несколько лиц

из наших сторонников, несколько «стратеговцев» и несколько нейтральных лиц — для протеста, насколько это было бы возможно. Среди них находились гг. Г. Кереселидзе, Г. Чачиашвили и др.

КТО БЫЛ НА МИТИНГЕ.

Содержательная и интересная лекция проф. Е. Такайшвили о прошлом мусульманской Грузии и о ее значении в грузинской истории, длилась не больше часа. По окончании доклада лектор имел желание сойти с эстрады. Вот тут и начинается шествие ораторов «грузинских группировок» на эстраду и их уговоры уставшего проф. Е. Такайшвили — остаться на эстраде и руководить приемами. Профессор неохотно соглашается и вслед за тем начинается выступление ораторов.

Первым говорит г. И. Зурабишвили. Но говорит не как представитель своей «группировки», как это значилось в повестках, а как — «сенатор». Видимо, в последнюю минуту было решено подавить аудиторию чинами, званиями, должностями, и все это из давно минувшего величия. Его сменяет г. Казе Кавтарадзе. Говорит он якобы как просто журналист, но он стопроцентный меньшевик. Затем идут «члены учредительного собрания» гг. Г. Гвазава и А. Асатиани. Их смеяют сначала г. В. Нозадзе — редактор «Картлоси» — а не «монархист-фашист», и потом сам «бывший министр юстиции Грузии» — г. М. Арсенидзе.

И вот тут и происходит первый инцидент, который вызывает вмешательство проф. Е. Такайшвили. До г. Арсенидзе самые свирепые речи произнесли г. И. Зурабишвили (фронтвик из «центра» Жордания) и г. В. Нозадзе, «монархист-фашист» (за паухой Жордания!). Но г. Арсенидзе перещегооля и их. Возмущенный и удрученный г. Е. Такайшвили сам берет слово и между прочим делает следу-

ющее заявление: «Распните меня, но никто не сможет меня убедить, что З. Авалишвили, Гр. Диасамидзе, Ш. Амiredжиби — плохие патриоты!» (Во всех речах нососились эти имена!). Он вынужден вспомнить биографию этих лиц. Проф. Такайшвили аплодируют из публики. Но аплодирующих мало. Много тех, кто неистово кричат и стараются заглушить слова человека, которого сами просили быть их председателем. Среди шума и крика г. Такайшвили все же удается дать слово г. Т. Кереселидзе, который выступает не как член какой-нибудь «группировки», а как член грузинской колонии. Он пытается обратить внимание аудитории на неудобность обсуждения столь деликатных вопросов, как вопрос о границах, на митинге. Но как только он произносит несколько слов, подымается такой шум, что ему приходится сойти с трибуны. Наседают и остальные ораторы «группировок», которые не успели еще «высказаться». Г. Кереселидзе сходит с трибуны и его место занимает г. Манцава, принесший собранию покаяние в том, что он когда-то что-то напечатал в «Кавказе». Наконец, говорит последний из «срещетованных» ораторов, г. И. Нудубидзе, человек видимо без всякого «чина» и список официальных ораторов исчерпан. Требуют резолюции, но г. Е. Такайшвили против всяких резолюций. Подымается снова шум. Председателю снова удается дать слово г. Р. Чачиашвили — не «официальному» оратору — но ему усиленно мешают говорить. Г. Чачиашвили все же удается удержаться на трибуне минут десять. Он демонстрирует номера «Кавказа», где были еще три года тому назад изложены те же идеи, которые сейчас пытаются исказить в целях явной провокации. Ссылаются и на статью одного из сегодняшних демонстрантов Манцава. Его короткое слово неосомненно произвело охлаждающее впечатление на добросовестную часть собрания. Одна-

ко демонстранты не унимаются. Они требуют внесения «резолюции»...

СРЫВ «СОВЕЩАНИЯ»

Но г. Такайшвили покидает эстраду и вообще уходит из собрания. За ним покидают собрание г. С. Нирицхалава, а также другие.

С такой заботой устроенное собрание расстраивается. Жест проф. Такайшвили приводит инициаторов в замешательство. Кажется большинству собрания думает, что «резолюция» действительно палкина. Но расторопные люди все же не унывают. Краса и гордость меньшевицкой прессы г. Гриша Уратадзе, человек безпрестанно доказывающий в своих погромных статьях, что грузины, сотрудники «Кавказа» продали Турции грузинскую территорию, все же находит «выход» и предлагает собранию заявить хотя бы о том, что — «нельзя раздаривать грузинские земли». Наконец, читаются две резолюции. После стольких подготовительных собраний, «резолюции» все же друг на друга не похожи и собрание расходится...

«РЕЗОЛЮЦИЯ В БИСТРО»

Собрание возобновляется в соседнем бистро, но без публички и при наличии лишь представителей «группировок». С этого собрания «бывший министр юстиции» Г. Арсенидзе сбежал два раза и два раза был возвращен. «Резолюция», предложенная им была весьма обидна и не приемлема для людей из жорданиевского фронта. Она порицала не только существующую в воображении связь «Кавказа» с Турцией, но и всякую связь с иностранными государствами и в особенности с той, с которой «работают» меньшевики. Устойтели митинга этого действительно не ждали. Какая то резолюция в конце концов все же в бистро была принята.

В заключение разыгрался маленький инцидент и по поводу того — кому платить за консомацию? Представитель «фронта» любезно предложил свой кошелек. Но нашлись «независимые» люди, которые гордо это отвергли.

N. N.

Обзор печати

«О ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ КАВКАЗА»

Статья нашего редактора Г. Баммата, напечатанная под этим названием в июньском номере «Кавказа» вызвала немало шума.

Грузинским меньшевикам для каких-то темных их маневров понадобилось симулировать возмущение «масс», против «туркофилов» из «Кавказа», «раздаривающих» части грузинской территории. Оперировать они на этот раз, глав-

ным образом, через подставных лиц, прежде всего через тех «националистов», которых для демонстрации «национального единения» подкармливают в своем, с позволения сказать, «национальном центре», а также бывших меньшевиков, ныне объявивших себя грузинскими монархистами, но поддерживающих со своими вчерашними товарищами «личные» тесные связи.

Приведем несколько переводов из этой литературы.

“КАРТЛОСИ”.

Начнем с обширных выдержек из органа новоявленных монархистов от меньшевизма “Картлоси”. Этим неопштам конечно приходится быть “плю католик кә ле Пал”, дабы не быть опереженными в национальном шовинизме старыми националистами.

Так вот что находим мы в “Картлоси”:

«Кавказ» снова повторяет, что дружба с Турцией необходима (я какой ценой!) и что эта дружба зависит от Грузии и возможна, если мы в отношении Турции займем позицию, которая вызовет у ней доверие и симпатии...»

«Чем же «Кавказ» желал бы задобрить Турцию и в чем заключается тот «пешкеш», которым «Кавказ» хотел бы заверить Турцию в верноподданнических чувствах и в дружбе?»

«Кавказ» не скрывает составных частей этого драгоценного подношения и лишний раз отчетливо повторяет, что Карс, Ардаган, Артвин должны остаться безоговорочно за Турцией. Почему? — Потому ли что эти провинции получены Турцией от большевиков в вознаграждение за участие Турции в разгроме Кавказских республик? Потому ли, что Турции будут неприятны разговоры по такому головоломному вопросу?»

Г. Баммат говорит в июньском номере «Кавказа», что неприятные кавказцами внешние границы Кавказа обнаружало бы недружескую позицию в отношении Турции.

Поэтому он серьезно советует в наших интересах — елико возможно скорее занять «лояльную» позицию. Иначе говоря мы должны отказаться от этих территорий. Оказывается этим мы удовлетворим Турцию. Задобрим ее. Она станет нашим безкорыстным другом и окажет помощь в завоевании независимости.

Нам совсем не понятна подобная позиция «Кавказа». Оказывается мы дол-

жны отказаться от Карса, Ардагана, Артина, переданных большевиками в силу Карского договора Турции и тогда Турция будет поддерживать нашу независимость...

В один прекрасный день сов. власть падет. Что случится тогда? Повидимому тогда г. Баммат скажет Турции: — Владейте с Божией помощью Карсом, Ардаганом и Артином. Не угодно ли вам еще чтонибудь?

«...Г. Баммат уступил Турции Карс, Ардаган, Артвин. Теперь дело стоит за Батумом. Мы прекрасно понимаем, что Батумом заинтересованы Армения и Азербайджан. Но оказывается заинтересована и Турция. И знаете почему? Потому, оказывается, что для территорий, отхваченных от нас торговым выходом к морю является как раз Батум. Если продлить эту причинную связь, можно было бы сказать так: Карс, Ардаган, Артвин зависят от Батума. Батум от Поти, Поти от Чнатур, Чнатуры от Шоропан — Шоропаны от Тбилиси — Тбилиси от Баку и т. п. — Следовательно г. Баммат — все это мы должны уступить Турции... Тогда у нас не будет никакого сомнения, что Турция непременно станет нашим другом...»

Но, Баммат так далеко не идет и только говорит: «Так как торговый путь из Карса, Ардагана и Артина идет к кавказскому (а не грузинскому?) порту Батуму — «национальному(?) Кавказу» должно быть придется выискать такой «модус виванди» с Турцией, который предоставил бы этим районам торговый выход в большой кавказский порт. По нашему мнению это было бы лишним и значительным звеном в цепи дружественных соглашений, с южными соседями, которые призваны укрепить Конфедерацию Кавказа» (?!?).

Ничего определенного относительно того, в чем должен выразиться этот «модус-виванди» «Кавказ» не говорит, но из приведенной цитаты явствует, что здесь идет речь о превращении Батума в порто-франко.

Вот до чего дошла проповедь «Кавказа»! Всякому известно, что одно уже на-

хождение Ардагана и Артвина в руках Турции создает стратегическую угрозу Батуму, ибо военная судьба его прямо зависит от этих провинций и вовсе не лишено основания то историческое явление, что в старое время Турция наряду с этой провинцией владела Батумом и Поты.

Стратегически и экономически эти провинции нераздельны...

И вот представьте себе Батум в таких условиях свободным портом. — Разве это не сделает его фактическим владением Турции? Не правда ли великолепный подарок.

Но существу же дело представляется в следующем виде:

1) Либо Карс, Ардаган, Артвин являются турецкой территорией и у нас нет оснований притязать на них.

2) Либо означенная территория наша, относится к Кавказской территории и следовательно мы вправе притязать на нее.

3) Либо мы должны признать заключенный Москвой Карсский договор, в силу которого означенная территория отдана Турции и тем признать юрисдикцию Москвы.

4) Или мы не признаем Московской власти и следовательно и заключенного ею Карсского договора.

Другого вопроса в данном случае нет и быть не может. Этим исчерпывается весь злополучный спор.

Мы, с нашей стороны, совершенно открыто и решительно заявляем, что:

1) Ардагано-Артвинский край есть грузинская территория.

2) Не признаем ни большевицкой власти, ни заключенного ею Карсского договора, а следовательно требуем возврата захваченной у нас территории.

Ясно?

Мы снова повторяем, что эта территория Артвин-Ардаган принадлежит Грузии и вместе с Карсом составляет территорию, необходимую для обеспечения независимости Кавказа, не только по причинам и целям экономическим, но и стратегическим, ибо пребывание Турции в Карсе, Ардагане, Артвине ставит в зави-

симость от милости Турции, как Батум, так и весь Кавказ.

Как видим, тот, кто проповедует Баматовскую позицию — исходит не из кавказских, но из турецких интересов.

Кавказские интересы требуют именно включения означенных районов в границы Кавказа, но не наоборот!

Это для нас слишком очевидно и никакое соображение не может нам подсказать отказаться от собственной территории...

Мы не станем распространяться на тему кто, когда и как уступал вышеперечисленные территории Турции.

Не будем уличать "Картлоси" и в недобросовестности юридической аргументации и напоминать, что до "Карсского" договора, был Батумский, заключенный отнюдь не большевиками и на условиях, куда более тяжелых для Грузии... Историческую справку обо всем этом читатели найдут в статье З. Авалишвили, напечатанной в этом же номере.

Остановимся лишь на выводах. Итак новоявленные грузинские монархисты из марксистов, начавшие свою националистическую карьеру с требования для Грузии границ царицы Тамары, т. е. трех четвертей Кавказа, Лазистана и Эрзерума, умерили свои аппетиты и готовы помириться на границах 1914 г. (Почему, собственно, именно на этих границах, не совсем ясно. Ведь эти границы Российской империи никогда не были историческими границами ни Грузии, ни Армении).

"Не признание большевицкой власти, ни заключенного ею Карсского договора (ни тем более конечно Батумского, заключенного грузинским "национальным" правительством Рамишвили) и следова-

тельно требуем захваченной территории. **Ясно?!**", заявляет "Картлоси".

Совершенно ясно — неясно только, каким образом столь категорически сформулированное из прекрасного парижского далека **непризнание и требование** будет проводиться их авторами в жизнь там на местах в Грузии. Насколько нам известно, территории, возврата которых требуют гг. из "Картлоси", находятся под весьма серьезной охраной турецких штыков и у нас нет впечатления, что грозного окрика грузинских монархистов с парижских бульваров достаточно для того, чтобы заставить эти штыки отойти хоть на один сантиметр от нынешних границ Кавказа. Такой пустячек повидимому не смущает храбрых монархических юношей (от 40 до 50 лет). Они рвутся в бой...

Вот тут то предостерегает их "терциус гауденс" — ибо при существующем соотношении сил и в географических наших условиях ни о какой борьбе народов Кавказа, против Турции, **без опоры на Россию** — и следовательно в русских, а не национальных кавказских интересах, ни один здравомыслящий человек не может серьезно говорить...

Когда грузинские меньшевики инструментирующие в кулисах народное возмущение" против нас — бросают через подставные группы, неспособные разобраться в политической обстановке эмигрантской улице отравленные демагогические лозунги, они последовательно делают то дело, которому служили с первого дня своего появления в эмиграции — с того самого дня, когда писали "Заграничной делегации Российской Социал-Демократической партии", в лице гг. Данов и Абрамовичей, что

"независимость Грузии была лишь историческим этапом и что будущего своего они не мыслят иначе, как в тесном сотрудничестве с российской социалистической демократией..."

Но что думать о руководителях "Картлоси", позирующих на интегральный грузинский национализм?.. Или "доктора философии" по наивности не понимают, что ими искусно пользуется г. Жордания и К-о для уготовления возврата грузинских "сепаратистов" в Россию — или вчерашние марксисты, несмотря на весь задор своего молодого национализма — ничего против такой перспективы не имеют?

"БРДЗОЛИС ХМА".

А вот патриотические lamentации на ту же тему лейб-органа грузинских меньшевиков "Брдзолис Хма".

Журнал, обслуживающий в Испании и на Дальнем Востоке интересы Москвы и коммунистического Интернационала, облекается в тогу грузинского ультра национализма для того, чтобы атаковать "Кавказ" и грузинских его сотрудников ("Брдзолис Хма" № 74 — октябрь 1937):

В номере 73 «Брдзолис Хма» мы ознакомили читателей с угрозами ховлива «Кавказа» Баммата. Если хотите, чтобы Турция стала вашим другом, (говорит Баммат), вы не должны молвить слова о тех округах, которые коммунисты отрезали от Грузии и Армении и преподнесли Турции. Он не удовлетворился этим и требует прибавить к этим округам и Батум. Мы не удивились, ибо знаем кто такой Баммат и чему он служит. Поэтому мы писали — посмотрим как отнесутся к этому работающие в его журнале два-три заблудившихся грузина. Теперь нам известно и это. В журнале того же Баммата напечатаны статьи двух его главных сотрудников Амiredжиби и Алалишвили по

этому вопросу. Относительно Амиреджиби мы не станем распространяться, так как портрет этого забулдыги (араб-тираллиста) в настоящее время уже сдосисован. Иное дело г. Зураб Авалишвили. Многие удивляются, как могло случиться, что он приехал в Баммату и сделал его своим руководителем. Что и говорить — больно для национального самолюбия, когда грузинский профессор, знающий и ученый человек, становится правой рукой бывшего чиновника и не шадит своих познаний для облегчения этому последнему его антигрузинской работы. Но этому удивится только тот, кто не знаком с г. Авалишвили... (Ругань по адресу Авалишвили).

«Никто не должен цепляться за прошлое», — заявляет г. Авалов. Ясно, что для него этого прошлого не существует. Он не связан с ним, свободен от его влияния и нет ничего удивительного в том, что так легко мирится с раздачей и захватом частей нашей страны. Теперь становится понятной и его деятельность в Сая-Ремо. Он последователен когда пишет, что эти части нашей территории сегодня интересны только «для археологии и этнографии».

Статья официоза грузинских меньшевиков кончается формальной угрозой по адресу наших сотрудников:

«Ныне они больше защищают интересы других, чем интересы своей страны, но настанет время суда... Придет час...

Товарищ Уратадзе, — «золотые часы» из марксистского органа, еще по сегодняшнему дню не снявшего аншлага «пролетарии всех стран, соединяйтесь», — учит любви к родине и политическому разуму таких людей, как Зураб Авалишвили и Шалва Амиреджиби!..

Это зрелище, даже для нашей, привыкшей ко всякому политическому шарлатанству эмиграции, настолько нелепое и смехотворное, что ни в каких комментариях, конечно, не нуждается.

Если мы сочли бесполезным при-

вести эту длинную цитату из «Брдолис Хма», то только для того, чтобы у наших читателей не осталось никаких сомнений относительно роли грузинских меньшевиков в неудавшейся попытке инсценировки «народного возмущения» против нас.

Лукавый старец, руководящий к стыду кавказцев не только ископаемыми протухшего грузинского меньшевиизма, но и кавказской секцией группы «Прометей», хотел бы, по некоторым соображениям, остаться в этом споре в тени, но увы, уши Уратадзе — выдают его с головой...

ОЧЕРЕДНЫЕ КОМПЛИМЕНТЫ БОСТОНСКИХ АРМЯН

ПО АДРЕСУ БОЛЬШЕВИКОВ
«Известия» от 9 декабря печатают следующую телеграмму из Нью-Йорка:

«В Бостоне 5 декабря состоялся многолюдный митинг, устроенный местными армянскими организациями в честь 17-ой годовщины существования Советской Армении. На митинге выступил с речью советский консул в Нью-Йорке, Буровой, который охарактеризовал достижения Советской Армении за 17 лет. На митинге принято решение послать председателю ЦИИ Армянской Советской Социалистической Республики телеграмму, в которой собравшиеся поздравляют армянский народ с достижениями Советской Армении за 17 лет и с новой конституцией.

«Мы, — говорится в телеграмме, — выражаем глубокую благодарность Советскому Союзу, при братской помощи которого армянский народ стал равноправным членом самой великой и самой свободной республики в мире».

Скажем от себя, что бостонские армяне кажутся нам людьми весьма не лишними чувства юмора...

Большевицкая газета добавляет, что «аналогичные митинги состоялись также в других центрах Америки.

Сулейман Стальский

23 ноября умер в родном ауле Ашага-Сталь, известный в Дагестане, а впоследствии и во всей Советской России народный певец — ашуг Сулейман, принявший фамилию Стальского и под этим именем вошедший в группу самых видных советских писателей. Когда нужно было выставить знаменитостей союзных республик и блеснуть местной колоритностью — всегда выдвигали этого характерного по внешности старика в его барашковой папахе и лезгинском национальном костюме родного аула. Это был как бы декоративный придворный кремлевский поэт, почетный участник писательских съездов, выдвинутый по новой конституции кандидатом в депутаты в Совет Союза. Падкий на неожиданную экзaggerацию Максим Горький назвал его даже Гомером 20-го века.

Но Сулейман Стальский был действительно даровитым народным певцом, любившим родину, — он умел в свое время отражать в лирических песнях народное горе, скорбь, нищету, ко-

торую с избытком испытал в течение долгой скитальческой жизни простого чернорабочего. К сожалению он не устоял против соблазна стать на старости лет придворной персоной в красном Кремле, и даже сделался присяжным псалмопевцем советского владыки. Сейчас его смерть отмечена, как большая утрата, главными советскими газетами, ему посвящают статьи и некрологи, все видные писатели и даже артисты торопятся поставить свое имя под разными коллективными заявлениями и адресами. При этом, забывая лучшие образцы творчества этого ашуга, вероятно им неведомые указывают, конечно, что талант его развернулся во всю мощь лишь в последние годы, когда были созданы такие «бессмертные творения», как «Поэма о Серго» и «Песня о товарище Сталине».

Слава создается в пролетарском государстве не искренними безхитростными песнями о народном горе, а грубой лезвием владыке.

ХРОНИКА

АЗЕРБАЙДЖАН.

Новым «премьером» Азербайджана, назначен Теимур Кулиев, который, с прошлого года выполнял обязанности председателя Верховного Суда, и, вероятно, в этом качестве, заслужил доверие партии: недавние, с позволения сказать, процессы, могут засвидетельствовать

об этом. Впрочем, он «кавалер» Красного Знамени», значка «почетного чекиста» и награжден боевым оружием.

Вот его биографические данные:

Год рождения 1896, уроженец Джебраила (Карагинский уезд), происхождения, уверяют, крестьянского, (это, пока продолжится «идея-

лия»: когда захотят его «уйти», найдут в его генеалогической ветви и бекскую кровь, — а если нет, то термин кулак всегда в запасе). Окончил в 1914 г. горийскую учительскую семинарию, каковое обстоятельство, при случае, может также «считаться»: Гори не есть ли та самая Мекка, где провел свое детство Сталин-Яркое Солнышко? Учительствовал Кулиев скромненько в своем родном Джебраиле. Пришли большевики, и наш учитель нашел новое призвание, вступив с 1921 г. в органы Чэка, где он и пробыл до 1934 г., заблаговременно, конечно, вступив в партию; недавно он был выбран в центральный комитет. «Вице-премьером» назначен некто Манаор Халилов, из сел. Кала (около Баку), происхождения не только крестьянского, но и пролетарского: с 16-ти лет работал на промыслах. Коммунист с 1919 г., красноармеец с 1922 до 1924 г., работал затем по линии синдикатской. После «учебы» в промышленной академии, Халилов работает в нефтяной промышленности. Он является членом бакинского комитета партии.

ГРУЗИЯ.

— Комиссар «комунхоза», Микеладзе, Г. В., в опале: его «сняли с работы», термин, означающий наличие большой «кромалы». Следует ли он за своим азербайджанским коллегой Гамидом Султановым? Это зависит от роли, которую играл Микеладзе в истории большевизмского движения в Грузии: если помогал большевикам — может быть и расстрелянным, если сидел смирно — может быть и проскочит.

Такова уже большевизская логика.

— 20-го ноября скончался на 75-ом году жизни М. А. Баланчивадзе, композитор, автор оперы «Дареджан Цибери» и собиратель материалов по гурийскому, ментревскому и сванскому народному пению.

ДАГЕСТАН.

Маленькая «неприятность» приключилась с Омаркадиевым Хаджи Муратом, комиссаром финансов, и Амировым Чурачом, представителем Дагестана при ВЦИК-е: оба «сняты» со своих постов, как отъявленные «буржуазные националисты», которые когда то поддерживали дружеские сношения с актуальными «врагами народа» Самурским, Далгатом и пр.

Надо ли добавлять, что это «когда то» относится к эпохе, когда Самурский, Далгат и пр., были верховными правителями Дагестана?

БОГАТСТВА КАВКАЗА

В районе нижнего Дашкиана обнаружена новая богатая зона кобальта. Кроме Азербайджана, кобальт находится еще в Сибири и на Урале. Как известно, дашкианская кобальтовая руда одно время эксплуатировалась немецкой фирмой «Симменс».

Геологические исследования последних годов обнаружили наличие радия в некоторых районах Азербайджана. Так, например, в районе Еленино, недалеко от Ганджи обнаружен карнитит, а в Курдистане, близ источников Исти-су, травертиновые породы с содержанием радия, что и ставится в связь с целебными свойствами этих источников. В одном из них еще в 1934 году, была обнаружена эманация радия, в три раза превышающая радиоактивность кисловодского нарзана.